

**МЕРТВЫЕ НЕ УМЕЮТ
СМЕЯТЬСЯ**

Владимир

ЛЕЩЕНКО

АСТРА НОВА

Владимир Лещенко

Мертвые не умеют смеяться

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Это все же случилось... На Россию обрушился хаос, бунт, майдан, заговор, крах всего и вся. Амбиции одних и неумение других, глупость третьих и жадность четвертых – все подвело страну к краю пропасти а потом и подтолкнуло на роковой шаг вперед... И среди огня и стрельбы на обледенелых московских улицах началась гибель прежнего мира и явление нового. А еще родилась эта любовь – горькая и пахнувшая кровью и порохом. Любовь молодого солдата и начинающей гламурной львицы...

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Время «Ч»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Владимир Лещенко

Мертвые не умеют смеяться

Книга была задумана и в значительной мере написана задолго до известных событий в соседней с Россией стране, и автор не стал ее осовременивать – пусть читатель сам видит – что было угадано, а что нет. Также поясняю, что это альтернативная история – и развилка произошла уже весьма давно – внимательный читатель ее найдет. Содержащиеся в книге подробности специальных операций и террористических актов не могут считаться руководством к действию и содержат сознательно введенные технические неточности. Высказывания, поступки и мысли героев далеко не всегда совпадают с точкой зрения автора. Упоминающаяся в тексте певица Каролина Кокс не имеет никакого отношения к реально существующей певице Карине Кокс. Информация о мистических необъяснимых явлениях сопровождающих войны, бедствия и смуты действительно содержится в немалом числе источников. Автор благодарит писателей Федора Березина – за консультации в области ПВО и Андрея Ерпылева – за его позицию, которая помогла ему завершить эту книгу.

...И скажут все народы: за что Господь так

поступил с сею землёю?

Какая великая ярость гнева Его!

*И скажут: за то, что они оставили завет
Господа Бога отцов своих...*

Вт.27:24-25

...Он же будет крестить вас огнем...

Иоанн Креститель.

Пролог

*Москва. 29 декабря 201... года. 42 часа после времени
«Ч»*

Тут, в зимнем саду на двадцать втором этаже, с уже начавшей обмерзать стеклянной крышей их собралось человек сто с лишним.

Примерно треть персонала «Риго-банка» – от уборщиц до председателя совета директоров Игоря Демидовича Долотова, члена Президентского совета по экономике, даже сейчас не терявшего своей сановитой повадки бывшего заместителя союзного министра.

Внизу пламя пожирало этаж за этажом, неумолимо поднимаясь вверх. Трещала и шипела в огне элегантная офисная мебель, оплавлялись от жара корпуса «Целеронов» и «АМД», лопались плазменные и жидкокристаллические экраны мониторов, улетали ядовитым дымом и кипящей пеной настенные панели и подвесные потолки. Обращались в ломкий пепел папки договоров, протоколов о намерениях, кредитных историй, отчетов и прочих важных и ценных бумаг, за многие из которых конкуренты заплатили бы не торгуясь – сколько запросили бы.

Но здание еще сопротивлялось пламени – это было строение добротной, еще советской постройки, с десятикратным запасом прочности, сделанное на совесть одним из специаль-

ных строительных управлений. Когда-то тут был профильный научно-исследовательский институт. Чем он занимался сейчас уже, наверное, не помнил никто – может быть сверхсекретным ракетным топливом, может – тривиальными удобрениями.

По иронии судьбы, открылся он в апреле судьбоносного 1991 года, спустя два года тихо преобразован в АО, потом в ЗАО. Затем на место неизвестно куда исчезнувших ученых пришли турецкие строители, и вскоре на месте НИИ засиял огнями новый офисный центр, с евроотделкой, сауной и бассейном, дабы новые хозяева жизни могли бы отдохнуть после работы, в цокольном этаже, и автономной газовой котельной и блиндированным банковским хранилищем в подвале.

Но сейчас собравшимся тут, среди сникших от холода пальм было впору позавидовать трем десяткам охранников и клерков, оставшихся там, за бронированными дверьми – их смерть была хотя и неприятной, но быстрой.

Хотя конечно больше повезло тем, кто работал на нижних этажах, и отважился сигануть в окна – тела дюжины из них сейчас валялись на растаявшем снегу, но оставшиеся спасли свои жизни, уйдя – а кто и уползая прочь от ставшего крематорием огромного здания.

Люди молчали, лишь слышались изредка женские всхлипывания. Их – представительниц прекрасного пола – здесь собралось немало, почти две трети: бухгалтерши и секре-

тарши, заведующие отделами и курьеры... Нина Петровна – секретарша правления, почтенная канцелярская дама в старомодных очках гладила по волосам свою помощницу Верочку. Та оказалась сегодня в банке совершенно случайно – пришла оформлять декретный отпуск и ее уговорили остаться на корпоратив...

Не поддавался общему оцепенению лишь начальник службы безопасности, деловито и сосредоточенно нажимавший клавиши коммуникатора, пытаясь связаться хоть с кем-нибудь – мобильная связь еще работала, что удивительно.

Когда начались события, председатель сообщил, что предприятие продолжает функционировать в нормальном режиме. Потом, когда в городе началась стрельба, сами обитатели шикарного здания предпочли остаться на рабочих местах.

Затем когда по «Городскому радио» передали сообщение о том что остановилось метро (за полчаса до того как само радио умолкло) вопрос отпал сам собой. Заместитель Игоря Демидовича, молодой лощеный выпускник Оксфорда из «деток», решил видать, что здравый смысл не про него, и отправился домой на свой страх и риск, на своем «лендровере» всего с двумя охранниками.

Через час он связался по мобильнику с Барсовым, что-то испуганно лопоча, но связь тут же прервалась, причем звук, который был слышен в последний момент очень напоминал автоматную очередь. Через два часа вырубился свет во всем здании и в окрестных домах – но выручил генератор. А сут-

ки с лишним спустился вокруг начали падать снаряды. Обстрел длился недолго, но два выстрела подряд угодили в цокольный этаж, разнеся все к чертовой матери в подвале, и подпалив фойе и конференц-зал на втором этаже.

Пожарная система в здании была, и неплохая, но без электроэнергии она работать не могла. А электричества в здании не было с самого начала пожара – когда захлебнулись дымом дизеля аварийных генераторов.

Впрочем – вряд ли эта отличная пожарная система смогла бы сладить с перебитой газовой магистралью и полыхающими вовсю отделочными материалами, на поверку оказавшимися не такими уж негорючими, как сообщалось в глянцевых рекламных проспектах. Увы, как всегда, это выясняется лишь в последний момент.

Потом было отступление на верхние этажи, во время которого почти все пошедшие по второй пожарной лестнице – человек тридцать – задохнулись в дыму, и отчаянные попытки связаться сперва с пожарными, а потом с вертолетчиками МЧС. Им собственно и названивал сейчас Барсов, хотя и понимал уже, что все это безнадежно. Даже если получится дозвонится, вряд ли кто-то согласится лететь за любые деньги – особенно после того, чему они были свидетелями не далее как пять часов назад – когда низко над домами, дымной кометой прошел горящий «Боинг», рухнувший на жилые кварталы где-то за рекой...

Начальник службы безопасности бросил злой взгляд на

бледного, вздрагивающего председателя правления.

Он вспомнил как этот бывший второй секретарь африканского торгпредства, заработавший первый миллион на торговле «Сникерсами», не далее как в прошлом месяце отказался выделить деньги на эвакуационную систему фирмы Лавочкина, которую предложил установить заместитель Барсова. Не то чтобы у банка не было денег – но ведь нужно было закончить коттеджный поселок для руководящих сотрудников «Риго-банка». А это дело не требовало отлагательств...

Владимир Георгиевич перевел взгляд на огромное окно. За ним была Москва. Слева поднималось розовато-оранжевое сияние, как будто там полыхал исполинский пожар, хотя это был всего лишь привычный отсвет ночного мегаполиса. А тут были лишь черные глыбы мрака на месте домов, иногда подсвеченные синими точками газовых горелок – мельком он еще посочувствовал бедолагам, в домах которых стояли электроплиты. А внизу качалось рыжее зарево поднимающегося все выше пожара.

Над крышами дальнего микрорайона взмыла в воздух крутая дуга малиновых светлячков, и, повиснув на несколько секунд в воздухе, погасла. Потом еще раз... И еще раз... Что-то вспыхнуло, будто великан чиркнул спичкой.

Там кто-то с кем-то воевал, а может быть – просто высаживал в темные небеса боезапас, пытаясь отогнать страх.

Сколько он раз видел такое – огни трассеров над крышами

погруженных во мрак умирающих городов? В Афганистане, в Карабахе, в Душанбе и Грозном... Вот теперь пришел черед и Москвы, откуда все и начиналось...

Мысль эту он додумать не успел, да она не имела значения. Для них всех не имело значение уже ничего.

Левая стена вдруг вздулась жутким волдырем, и лопнула, плюнув горелыми обломками и обдав взвизгнувших от ужаса женщин сгрудившихся возле нее (в помещении было холодно, но от этой стены веяло теплом).

Когда двадцать лет назад, еще в другой стране, это здание проектировалось, в нем был предусмотрен спец-лифт для доставки лабораторного оборудования и особо опасных реактивов. При перестройке и евроремонте туркам показалось ленно разбирать кирпичную шахту, и строители просто положили проходящую через все здание трубу гипсокартонными и пластиковыми панелями. И вот сейчас они прогорели.

Порыв горячего ветра заставил лопнуть заледенелый фонарь стеклянной крыши, обрушив вниз водопад хрустально блестящих обломков. Кому-то повезло и на этот раз – крупный осколок толстого витринного стекла действует чище гильотинного ножа, спасая от мучений. И тут же победно взревела тяга в гигантской трубе лифта, ставшей в миг печной, превращая зимний сад в пекло.

Нина Петровна закрыла обожженное лицо руками...

– Ничего не понимаю, – бросил капитан Максимов, спихивая с колен брошюры. – По этой карте, – он ткнул в отскрепленный лист, выход есть. А вот по этим – выхода нет. И вообще – не понимаю, где мы находимся? Такое впечатление, что карты нам делали агенты ЦРУ!

Про себя он незлым тихим словом помянул вырубившуюся некстати спутниковую навигацию – были ли то козни того самого всеу помянутого ЦРУ или родных Космических войск – неведомо да и неважно.

– Где находимся? – буркнул Громов. Неужто не ясно – где? В... Караганде!!

Заместитель командира батальона не ответил, лишь угрюмо продолжил копаться в справочниках и атласах автодорог, притащенных ребятами из киоска «Роспечати», случившегося неподалеку – хлипкая дверь автоматным прикладам не помеха.

Тяжело поднявшись с банкетки, комбат выглянул в окно. Во дворе фыркали на холостых оборотах БТРы между окрашенными в защитные цвета тушами, которых сновали солдаты.

Он молча вышел и прошелся по коридорам и лестницам словно лишний раз проверяя – все ли в порядке в его «хозяйстве». За ним с автоматом наизготовку двигался води-

тель-контрактник, старший сержант Тумченко.

Пустующее административное здание, избранное командованием пунктом основной дислокации было полно жизни. В неподвижном воздухе слоями висел густой сигаретный дым. У туалетов собрались ожидающие своей очереди – пропускная способность их явно не была рассчитана на батальон, пусть и сокращенного состава.

В коридорах и залах прямо на ковровых полах, лежа вповалку, отдыхали бойцы. Хрипели рации, зампотылу уныло диктовал радисту сводку. Шипели собранные по кабинетам электрочайники (слава Богу, в этом районе напряжение в сетях не пропало) и тут же солдаты вываливали в огромную кастрюлю содержимое пакетов «Новой Универсальной лапши ДОШИРАК», которую так забавно рекламировал по телевизору отставной президент Франции Жак Ширак.

Тут же в здоровенных плафонах, снятых с потолка дымился растворимый кофе, а ефрейтор Антон Лесин – лучший повар батальона, движением фокусника разрывал и вытряхивал туда очередную полукилограммовую пачку «Нескафе», в то время как невысокий щуплый солдатик помешивал коричневую жижу.

Хорошо, что в помещении местной социальной службы, в котором они разместились, имелся свой буфет – в противном случае, пришлось бы грабить окрестные магазинчики. Хотя... если все это продлится еще пару дней, именно это делать и придется.

Из окна кабинета с непонятной надписью на двери «Начальник ВРАО» были видны идущие под снос пятиэтажки на другой стороне шоссе, и над ними торчала новенькая крыша трехэтажного здания. Он знал, и без всяких карт, что это – межрайонное управление УВД.

И вот именно там, в райотделе полиции, и засели их противники. Что самое смешное и печальное – не пре-словутые «вооруженные защитники демократии», и даже не перешедшие на сторону «либеральной оппозиции» менты, а их собственные товарищи, еще вчера в одних колоннах с ними входившие в столицу. А вот теперь у них видать начисто слетела нарезка – и доказательством тому были два смрадно чадящих БТР, приткнувшихся к стене трансформаторной подстанции. Метрах в пятнадцати от переднего валялись два неподвижных тела в камуфляже. Еще три тела в таком же камуфляже, побуревшем от крови, лежали у кунга с красным крестом – вынесенные под огнем раненные прожили меньше часа. Еще один, видимо механик-водитель, голый, закопченный от сгоревшей одежды и неузнаваемый, висел на раскаленной броне.

«Как на сковородке, – отвернулся комбат, не в силах видеть скворчащего на раскаленном металле растопленного человеческого сала. – Зажарили, с-с...»

Самое удивительное, что свои действия бунтовщики не объясняли никак. Трижды комбат, майор Громов, пытался выйти на связь с ними – и всегда в ответ в наушниках слы-

шался забористый мат, вперемишкку с обвинениями в предательстве, измене, продаже России «жидам» и «черным» и тому подобный бред.

Он даже пытался объяснить сидевшему на другой стороне у рации лейтенанту (кажется, лейтенанту), что он заблуждается, что они как раз спасают страну он грозящей ее угробить окончательно заразы. Тщетно... Похоже, с тем же успехом он мог бы попытаться договориться с осьминогом или пришельцем из другой Галактики.

Что хуже всего, дела наверху, похоже, пошли не так, как задумывалось вначале. Весь эфир был забит перекличкой самых разных позывных – его коллеги тоже пытались выяснить, что делать, у начальства. И как минимум в пяти местах ситуация была аналогична той, в какой оказался его батальон. Бунт бессмысленный, беспощадный и... непонятный. Чертовщина... Даже Бибиревский ОМОН, дернувшийся было заступить дорогу войсковым колоннам по паническому звонку какого-то идиота из Думы, после пары предупредительных танковых выстрелов покорно сложил оружие.

Может в том то и дело, что танковых? Потому как у засевших в райотделе и прилегающем военкомате бунтовщиков, имелось шесть танков, а вот у него, майора Громова, которому поручили этот дивизион «запереть» – не было ни одного. Так что неизвестно – кто кого запер. Правда, пару часов назад их предупредили из временного штаба, что возможно они понадобятся, и по получении приказа нужно бу-

дет оставить на прикрытие роту мотострелков с ПГВ и отойти к МКАД на патрулирование. Да вот, похоже, отойти будет проблематично. Как свидетельствовали однозначно и карты, и данные наскоро проведенной разведки они тут заперты надежно.

Громов плюнул в снег и мысленно в очередной раз помянул недобрым словом тех кто снабдил их картами Москвы, как выяснилось, не годящимися ни к черту. Раньше-то они, вероятно, годились, но после эпидемии «точечной застройки» – увы...

Сюда, в этот квартал на юго-западе столицы они вошли с тыла, через мостик в местной парковой зоне – как и было предписано – чтобы обойдя дислокацию мятежной части по означенному на карте «шоссе 134» захлопнуть сбрендивших «вованов» в мышеловку. Но, увы – в реальности никакого шоссе тут не оказалось, а на том месте, где ему полагалось быть высились решетчатые каркасы недостроенных монолитно-кирпичных домов, окруженные завалами строительного мусора и штабелями стройматериалов. Ко всему выяснилось, что хлипкий пешеходный мостик на прохождение бронетехники не рассчитанный, все-таки не выдержал, треснув как раз под последней машиной. Экипаж как-то умудрился вырвать БТР из капкана, но путь к отступлению был закрыт. Разве что налегке, без техники.

Куда ни кинь – всюду клин. Прорываться мимо превращенного в крепость райотдела, ощетинившегося танковыми

стволами и еще хуже – с прячущимися по оконным проемам гранатометчиками – значило оставить тут не меньше половины машин. А через территорию новостройки – не уйти. Или, опять же, уходить, бросив технику.

Майор Максим Арсеньевич Громов выматерился сквозь зубы.

Его батальону в этот день и так дьявольски не везло – если конечно применительно к этой ситуации вообще можно было говорить о везении. В круговерть они угодили совершенно случайно: просто в бригаду пришло распоряжение – отправить на учения «Зимняя гроза» наиболее укомплектованный и подготовленный батальон. Но поскольку все подразделения их бедолажной бригады, уже третий месяц находившейся под сокращением, были примерно в равной степени сырыми и неухоженными, и.о. начштаба полковник Степаненко просто послал первый по списку – то есть его, Громова, воинство. Затем командованием учений был оглашен приказ... И сразу после этого батальон еще пощипали, сняв роту и отдав в резерв – стоявший где-то в районе Рублевки. Бог бы с ней с ротой, но с ней остался и самый толковый офицер батальона – старлей Торопцев. Заодно, кстати поступил приказ – оставить там же взвод тяжелого оружия, в их батальоне представленного минометами.

И ведь сам Громов тогда только вздохнул с облегчением – тащить эту обузу, малоэффективную в городских условиях, в лабиринт улиц мегаполиса, тем более, когда, по словам лю-

дей из штаба этого самого ВАС, согласно пресловутому плану «Вьюга» который никто не видел, но который де был составлен на случай гибели первых лиц страны (кто именно порешил оных лиц Громов предпочитал не задумываться – не до того было) предполагалась лишь «кинжальная» короткая операция было бы глупо. А вот сейчас минометы им ох, как бы не помешали. Накрыть мятежный райотдел, пользуясь суматохой, пока там чухаются, бросить на штурм роту при поддержке НСВТ с БТРов...

Несколько раз он запрашивал помощь у командования. Но задерганные усталые полковники и генералы посылали его к другим коллегам. Или просто посылали, предлагая выкручиваться своими силами. Прорваться в штаб ему так и не удалось.

И он понимал – почему.

Громов был человеком неглупым. И сейчас, из переклички раций, из коротких злых ответов вышестоящих и из пресловутой «общей атмосферы», как из мозаики он приблизительно сложил картину происходящего. Непонятно, как и что нарешали там деятели из ВАС, или те кто их направлял, но они действительно планировали закончить все одним ударом в считанные часы. Но теперь, когда у них что называется, не пошло – не растерялись, а вытащили из рукава, заготовленные заранее на такой вот случай планы.

Надо полагать, сейчас их задача такова: имеющимися в распоряжении силами захватить все оставшиеся админи-

стративные здания, заткнуть последние, истошно верещащие на весь свет независимые радиостанции, перекрыть каналы связи через интернет или какие еще там есть, после чего, от имени действующих чиновников, и прочих имущих власть личностей, разослать на места факсы с приказом повиноваться новой власти. Максимально жесткие, не оставляющие выбора, сулящие все кары на головы послушавшихся. А главное – максимально высвободить имеющиеся силы, и собрать их в единый кулак, который можно в случае чего поднести к носу заартачившихся местных царьков. В этом раскладе, взбунтовавшаяся танковая рота ВВ или отказавшееся повиноваться училище связи были не более чем досадной мелочью, на которую нельзя, просто невозможно отвлекаться. Бунтовщики – не бунтовщики, не важно – если все пройдет, как задумано, то через два-три дня, лишённые подвоза продовольствия и боеприпасов, они сами сдадутся. Или будут уничтожены, как только освободятся силы. Как там у классика? «Если враг не сдается...»

А десятки бойцов батальона, перешедшие в категорию «двухсотых» и «трехсотых», уже внесены в графу «неизбежные потери». И вскоре там вполне может оказаться и он сам.

Громов отошел от заложенного новеньким кирпичом наполовину (благо, стройка под боком) окна и устало сел в кресло, скрипнувшее под его грузным телом, веса которому добавляла тяжелая амуниция.

...Старший лейтенант Андрей Земцов, командир мото-стрелкового взвода – три БТР и двадцать пять «гавриков», половина из которых – зеленые сопляки – изучал в бинокль обстановку во вверенном ему секторе обороны.

Пустая улица, обрамленная типовыми грязно-серыми десятиэтажками, упирающаяся в насыпь железной дороги. Запорошенная ночным снежком, уставленная превратившимися в сугробы машинами, и – абсолютно пустая.

Ветер приносил издалека тревожные и недобрые запахи – тяжелой гари, использованной взрывчатки и почему-то – разворошенной помойки. Именно так пах Грозный далекого уже 2002 года, который он видел сопливым восемнадцатилетним салагой.

Потом вспомнил своих ребят, погибших во время атаки. Механика-водителя Ромейко – чернявого, смуглого похожего чем-то на жука рассудительного «дембеля». Сержанта Петра Борискина – деревенского крепыша из уральской глухомани (вот, занесла же нелегкая) обожавшего крепкий чай с сушками. Николая Пехова – недоучившегося студента из Вологды – ему тоже оставалось до дембеля три месяца.

Теперь они лежат во дворе на обледенелом асфальте, уставившись в небо остеклевшими глазами. Пустыми прозрачными глазами на еще считанные часы назад улыбчивых жи-

вых лицах. Убитые не «боевиками», «террористами», или «ваххабитами», не чужеземцами с Запада или Востока, а такими же, как и они – простыми российскими парнями... А «молодой» Сальников – там, рядом с покоренным разрывом «Паджеро». Отсюда видны подошвы его сапог, повернутые носами друг к другу – живые так не лежат. Его так и не удалось вытащить...

«Как стемнеет, – подумал Андрей, опуская бинокль. – Надо будет послать Рахимбекова с Петькой. Пусть вытянут парня к своим...»

За спиной грохнуло, затрещало, зарокотало отдаваясь многократным мечущимся эхом среди окрестных кварталов, заставив инстинктивно кинуться на землю, слиться с ней, родной матушкой, защитницей, в единое целое. И сразу, следом, гулко ударило вновь, заставило заснеженный асфальт под лейтенантом ощутимо дрогнуть, словно кто-то неподалеку ударил исполинским молотом.

«Неужели бомбят? – как-то отстраненно, словно его это совсем не касалось, подумал Земцов. – Тогда дело совсем швах...»

Со стороны райотдела слышалась стрельба – видать, у кого-то не выдержали нервы. Бледные в предрассветном скупом свете чиркали трассеры. А он лежал лицом в снег, ожидая новых ударов.

Но грохот не повторился, да и эхо вскоре затихло. Поднявшись и отряхнувшись, Андрей огляделся и сразу понял в

чем дело – исчез дымящийся почерневший силуэт небоскреба, горевшего всю прошедшую ночь – лишь дымный смерч крутился на месте, еще пять минут назад казавшегося незыблемым, двадцатиэтажного гиганта.

Лейтенант сдвинул на затылок каску вместе с шапкой и вытер с лица ледяную испарину. Вот ведь, мать его... Напугал...

Москва... Столица... Как же это так все получилось, что он сейчас штурмует собственную столицу??

А ведь и в самом деле – как же все это получилось?

Часть первая. Время «Ч»

...И наше время на циферблатах!
Н.Доброурагов

*...А время на циферблатах уже истекало
кровью...*
Ф.Г.Лорка

*Москва. 26 декабря 201...года. Четыре часа до времени
«Ч»*

- Ты что творишь, козел?!
- Да ты сам козел!
- Вася – не надо! Васенька, прошу...
- Нинка – не мешай!
- Да я тя урюк щас урюю!
- Что?! Ах ты иш-шак карабахский!
- Уййяяя!

Схватившись за нос, начальник отдела по связям с общественностью Арнольд Прохорович Хвалько отлетел назад и рухнул спиной на стол, прямо в закуски. Полетели на пол открытые бутылки, истошно завизжали женщины заглушая хриплый томный писк извивающихся на сцене солисток.

– Кто пустил сюда этого человека? – гнусаво завопил менеджер, зажимая нос окровавленными руками и вращая залитыми дорогим коньяком глазами. – Кто это вообще такой?

Где начальник охраны?

Коротко стриженного молодого человека с перекошенным от злости лицом уже оттаскивали в сторону, на помощь «истекающему кровью» бросились сразу три офисные барышни, а на заднем плане уже маячили квадратные «секьюрити» напоминавшие клонов Валуева.

Новогодний корпоратив сотрудников «Риго-банка», собравшихся на восемнадцатом этаже огромного здания, в роскошном конференц-зале, уставленном богато, по нынешнему времени, накрытыми столами, казался безнадежно испорченным. Приглашенный девичий квартет «Блестящие стрелки» и восходящая звезда Каролина Кокс напрасно призывно изгибали свои полуголые формы на сцене: внимание было приковано отнюдь не к красоткам, а к скандалу, набирающему там обороты с каждой минутой.

Перекрикивая певичек взлетали к высокому потолку зала яростные вопли:

– Кто тебе сказал мудака что...

– А кто сказал...

– А я говорю...

– Мне насрать....

– Засунь себе свой...

– Ясно я выразился насчёт...

– Тише, тише, Арнольд! – шептала разъяренному начальнику на ухо секретарша Варвара, суя ему в руки салфетку – унять кровь. – Это же Карпунин с дружками!

– Какой Карпунин? – сбавил обороты Хвалько, лихорадочно напрягая память.

– Сын генерала...

– Да, да! Того самого!

– Ну... это... А что он здесь делает?

– Его Элька притащила. Его и дружков его.

– Элеонора? Что же ты, кошка драная, мне сразу-то не сказала? – прорычал Хвалько, косясь на вытесненную в холл компанию дебоширов, теперь выясняющую на повышенных тонах отношения с подросшим начальником службы безопасности. – Уволю-у-у!.. Это его телку я... хм-м...

– Нет, эту девицу я не знаю, – поджала накрашенные губы Варвара: уволить ее шеф грозился уже раз сто, но... подход к нему сметливая дамочка знала верный, ничуть не испугавшись и сейчас.

«Поделом тебе, – зло думала она. – Ни одной юбки не пропустит, гамадрил!»

– А вот парень ее, – злорадно добавила она. – Тоже не из простых, раз с Карпуниным пришел.

– М-м-м... – заныл менеджер, размазывая в волнении кровь по пухлым щекам. – А что делать?

– Что-что... Извиняться.

– Это ты дело говоришь!

Хвалько вскочил со стула и устремился в холл, где разговор уже приобретал крайне негативные формы: скандалист и «безопасник» попеременно сбрасывали с лацканов чужие

руки, брызгая друг другу в лицо слюной, его спутники – парни и девушки пытались оттащить вконец потерявшего контроль над собой генеральского сынка от наливающегося тяжелой яростью бывшего спецназовца, а сразу четверо «секьюрити» бубнили что-то в карманные рации, благоразумно предпочитая не ввязываться в конфликт. Можно было предположить, что к конференц-залу сейчас спешит не один десяток охранников и каша тут может завариться такая...

– А за десерт терамиссу я все что хочешь – зу-зу-зу!

– А за десерт терамиссу тебе я ночью – зу-зу-зу!.. – тонко и эротично стонали певички.

– Прекратите! – принялся разнимать ссорящихся менеджер, рискуя получить по все еще сочащемуся кровью носу или с одной, или с другой стороны. – Прекратите, пожалуйста!.. Господин Карпунин! Я был неправ и полностью беру все свои слова обратно. И приношу вам свои глубочайшие извинения...

– Ха! – ухмыльнулся генеральский сынок. – Зассал, урод!

– Простите, – опустил покающую голову Хвалько, попутно отметив, что костюм, дорогая сорочка и галстук испорчены кровью напрочь. – Предлагаю присесть за стол и выпить мировую. Владимир Георгиевич, вы можете быть свободны.

– Разбирайтесь сами, – зло бросил начальник службы безопасности, отряхивая безукоризненно сшитый костюм и по-

правляя манжеты.

Он со свитой царственно удалился, но наглец не собирался принимать извинения менеджера.

– Надо больно мне с тобой, козлом, водяру глушить! – расхохотался он в лицо Арнольду. – В клоповнике вашем! Да и закуска у вас – говно... Пошли, ребята! – повернувшись спиной к растерянному Хвалько, он вальяжно махнул спутникам. – Поедем куда-нибудь еще, поищем, где поцивильнее. Этот сортир мне не нравится!..

Шумная компания повалила следом за ним к лифтам, а пришибленный менеджер остался наедине с Варварой, ласково глядящей его по плечу.

«Ну, все, – убито думал Арнольд, пытаюсь отскрести капельку засохшей крови с белоснежной некогда манжеты. – Шеф чикаться не станет... Куда я денусь?..»

Господин Хвалько не зря предавался унынию и горевал о будущих невзгодах. Пусть ничего ему со стороны начальства не угрожало, ни в ближайшем будущем, ни в более отдаленном. И со стороны закона. И даже со стороны супруги, вполне закономерно подозревающей мужа в изменах. И рак легких из-за чрезмерного увлечение курением ему не грозил, лишний вес, с которым он постоянно боролся.

Потому что на них, на страну и на мир надвигалось нечто похуже и служебного расследования или гнева начальства.

– Ну, куда дальше? – толпа мажоров вывалила на улицу и остановилась возле роскошных, сверкающих авто, купленных, естественно, не на заработанные собственным трудом денежки. – Время – детское!

– Зря ты, Андрюха, эту бузу затеял, – посетовал закадычный дружок Карпунина, Борис Бельский, сын хозяйки модных бутиков «Весна-М», госпожи Людмилы Бельской – постоянной героини столичной светской хроники. – Выпили бы на халяву, потанцевали... У мамы, между прочим, счет в этом банке.

– Да хоть контрольный пакет акций! Буду я их паленую водяру жрать...

– А что тогда?

– Расклад такой, – не упуская возможности покрасоваться в очередной раз, Андрей картинно сдвинул рукав кашемирового пальто и взглянул на свой наручный «Патек Филипп», стоимостью в десять тысяч евро. – Сейчас полдевятого. Не рвануть ли нам всем ко мне на дачу? Там сейчас никого, холодильники полны, сексодромы в полной готовности... Заскочим в «Елисейский», затаримся горячим...

– Ну, нет, – поджал губы самый старший в компании – телевизионный бизнес-аналитик Влад Борисов, довольно успешно подвизающийся на одном прайм-таймовом кана-

ле. – Это сколько же киселя хлебать до твоей хибары, Карпунин? А у меня завтра съемка. Если опять буду мешками под глазами светить – шеф будет недоволен. Еще погонят с работы! А у меня отец между прочим не олигарх, а пролетарий... умственного труда.

Кто-то из девчат хихикнул. Отец Влада и в самом деле был не владельцем торговой сети или еще каким-то подобным воротилой – а всего лишь скромным директором кинофирмы второго разряда, кующим сериалы для Первого Канала.

И куда ж ты?...

Если других вариантов нет – то я в казино. Вика, Элька! Вы со мной?

– Нет, Вадик, я – с Андрюшиком, – повисла на плече разом заулыбавшегося парня Элеонора, чмокнув его в щеку и ласково стерев след помады пальчиком. – Он такой герой...

– А я в казино, – надула губы Виктория Пашнина, дочка тверского олигарха местного пошиба – не то лесного, не то – рыбного. – Не видела я ваших дач рублевских! Нажретесь – опять вам подавай танцы на столе... Вадик, ты мне купишь фишечек?

Компания довольно быстро разделилась на две неравные половины, с визгом и хохотом расселась по «Бентли», «Лексусам» и прочим хитам зарубежного авторома, а потом, прощально гудя сигналами, разъехалась в разные стороны.

Навсегда.

– Ну что – в «Платинум Стар»?

Сияющие громады «Москва-Сити» показались над крышами домов по левой стороне странно пустынного в такой час проспекта. По количеству мчащихся в обе стороны машин можно было предположить, что сейчас где-то третий час ночи, а никак не девять.

– Фу, – скривилась Вика, отвоевавшая себе место рядом с Владом. – Лучше в «Арбат». В «Старе» я в прошлый раз проиграла.

– Как прикажете, барыня! – весело сымитровала дореволюционный говорок звезда бизнес-журналистики. – Других предложений нет? – полуобернулся он к заднему сиденью, откуда слышалось тяжелое дыхание и звуки поцелуев.

– Ехай, ехай! – буркнул Ильгар Абульфазов – свой из своих, тискавший сейчас податливую деваху на заднем сиденье Влодова «Лексуса». – Мне по барабану – Аллах запрещает в азартные игры играть.

– Именно поэтому третьим по величине казино в Москве владеет твой троюродный дядя. Кстати – Аллах девиц лапать не запрещает? – Влад поймал зеркалом заднего вида препикантнейшую сцену.

– Сейчас темно, – ухмыльнулся во все тридцать два белоснежных зуба татарин. – Он не видит. А может и спит уже –

надо ж старичку отдохнуть когда?

– Значит, возражений нет, – утвердительно заявил Влад, въезжая на мост. – Тогда, с ветерком...

Но «с ветерком» не получилось – на Смоленской набережной пришлось проталкиваться через толпу, над которой реяли транспаранты и флаги всех цветов радуги, среди которых преобладал ядовито оранжевый – уже много лет, ассоциировавшийся со всякого рода «демшизой» – и сюда проросли метастазы «Рус-Майдана», вяло кипевшего уже несколько месяцев.

– Куда прешь, крыса! – грозил кулаком очкастой пожилой «демократке» лезшей прямо под бампер, непрерывно вопящего клаксоном «Лексуса», Вика. – Вали к своим шизикам, старая перечница!

– Дави их! – восторженно встрял с заднего сиденья Абульфазов.

Нет, «золотая молодежь» определенно «демократической оппозиции» не сочувствовала, – подумал Влад про себя. Да и с чего бы? Им сладенькие песни о «торжестве либерализма» набили оскомину еще в школе, как их родителям – байки о «светлом будущем для всех трудящихся».

– Когда, наконец, эту шушеру с улиц повыметут? – пожаловалась, поправляя перед карманным зеркальцем абрис пухлых губок, Вика, когда человеческая круговерть осталась позади, сменившись реденькими, жмущимися к тротуарам группками, осененными каким-нибудь «Воров в погонах – к

ответу!» или «Долой Курдюмова!» – Куда полиция смотрит?

Но впереди призывно сиял огнями культурно-развлекательный центр и мысли молодых людей, в предвкушении удовольствий, переключились на совершенно другие темы...

* * *

Подмосковье. 30 декабря 201...года. Четыре часа до времени «Ч»

Сергей лежал без сна, слепо уставясь в темноту широко раскрытыми глазами.

Он отлично знал, что нужно спать, что через несколько часов сыграют побудку и снова весь день, а то и большую часть ночи придется «лётать», как и любому «духу». Лётать... Странное слово... Странное для оставшейся в уже подернутой флером забвения гражданской жизни. Но сейчас словечко обрело смысл: шустрить, успевая выполнять не только прямые, предписанные уставом, обязанности, команды офицеров и сержантов, но и многое другое. Например, прихоти «черпаков» – таких же, как и он сопливых призывников, разве что «забранных» на полгода раньше.

На глаза паренька навернулись слезы. Знала бы далекая, любимая мама, чем вынужден заниматься ее ненаглядный «сыночка», ее милый Сереженька, которого она тщательно оберегала от домашних забот, полагая что мужчине не пола-

гается мыть пол или чистить картошку... Она непременно упала бы в обморок, уви-дев его с грязной тряпкой в руках, дрящего туалет в казарме – аутсорсинг блн – да как же!

А до вожделенного «дембеля» далеко – почти восемь месяцев, как до Альфы Центавра. Или Тау Кита.

«Зато у тебя появилась цель в жизни, – возник в мозгу нематериальный, но от этого не менее злорадный, Танькин голос. – Да и мужчиной тебя там сделают, маменькина сыночка...»

Эх, Танька, Танька... В немалой мере благодаря этой рыжей конопатой бестии и лежит сейчас Сергей на скрипучей железной койке под казенным колючим одеялом вместо привычной и уютной домашней постели. Каким же он был дураком, стремясь доказать ветреной и недоброй красотке, что и без того уже мужчина. Взрослый, надежный и умудренный опытом. Так глупо попасться в полицию накануне экзаменов... Как дорого он бы сейчас дал, чтобы отмотать время назад... Не даром говорят, что любовь зла.

На глаза девятнадцатилетнего мужчины неожиданно навернулись слезы, и он сердито заморгал, пытаясь избавиться от предательской влаги.

Нет, так не пойдет – реветь в подушку, как девчонка... Да и поспать надо хотя бы два-три часа, чтобы завтра не ползать сонной мухой по плацу под издевательские комментарии комвзвода лейтенанта Кузнецова.

Сергей, стараясь не слишком раскачивать шаткое двух-

ярусное сооружение со спящим над ним ефрейтором Лапиным – коренастым «чалдоном» откуда-то из сибирской глуши – его, рядового Хворостова, персональным злым гением и мучителем, перевернулся на другой бок и плотно прикрыл веки.

Усталость и молодой здоровый организм скоро взяли свое: парень даже начал вроде бы видеть какой-то сон, сладко-томительный и упоительно гражданский, как в уши ввинтилась трель звонка, совсем не похожего на звук будильника и сливающаяся в многоголосый хор скороговорка:

– Рота – подъем! Тревога!!!..

* * *

Старший лейтенант Торопцев замер на правом фланге своей роты, практически неотличимый от своих подчиненных в толстом зимнем камуфляже, стянутом ремнями бронежилета, подсумка с противогазом и прочими, ничего не говорящими уху гражданского человека причиндалами. Глубокая каска поверх шапки, сдавливала голову, ремешок врезался под подбородок, ладони, даже через толстые перчатки охладили металл автомата.

Еще бы не охладили: батальон томился на двадцатиградусном декабрьском морозе уже сорок минут, если не ввали «командирские», на которые время от времени бросал взгляд Николай.

«Пора бы, товарищи командиры, – зло думал он, шевеля в берцах мерзнувшими пальцами ног. – Решаться – туда или сюда. Пацаны уже задубели все – не лето на дворе. Или по казармам, или по машинам... Млин, опять трех-четырех в санчасть отправим... Если не десяток сразу...»

Особенно беспокоили ротного двадцать три новобранца из осеннего призыва, только-только успевшие дать присягу и привыкнуть к оружию, но еще далекие до того состояния настоящего солдата, которое приобретается неустанной муштрой к году службы – как раз к дембелю.

Не зря ж давно придумали пословицу «Как из говна пуля!» – акkurat про его новобранцев. Молодняк последнего призыва так вообще слезы... Дети – да что там – уже внуки – «эпохи реформ» – тощие, мелкие, приклад от ствола отличают, лейтенанта от капитана тоже, посчитать в уме два трехзначных числа уже не могут. Даже подтянуться на турнике смогли не более половины. Гроза НАТО, блин!

В который уже раз он мысленно проклял решение высоких чинов восстановить призыв два раза в год. Понятно, конечно: служить в армии некому, призыв год от году сокращается... Но лучше вылепить из рыхлого гражданского сосунка хоть какого бойца до зимы, чем маяться в сопливом во всех смыслах «материалом» в мороз. Это понятно любому, а уж прошедшему Чечню боевому офицеру – подавно.

– Че такое... Фиг его знает... – слышались шепотки за спиной. – Маневры что ли?.. Хрен... Чечня... Да ты...нул-

ся что ли, какая Чечня?.. Тогда Дагестан или Осетия... Какая – Северная или Южная? В Москве, говорят... Да ты чего? Холодрыга, блин! Заколodило всего как хека мороженого... Стой, слоняра – не шебурши... В Москву ты сказал? Точно – в Москву?

– Отставить разговоры, – не оборачиваясь и не повышая голоса, буркнул старший лейтенант, и рота за его спиной послушно замолчала на несколько минут. Нет, на учения не похоже... – неторопливо текли в замерзающем мозгу старлея мысли. – Правы пацаны: в Москву выдвигаемся – порядок наводить. А как его наводить если в армии порядка нет? Да и чем – не танками их там давить? Черт – не надумали бы чего генералы...»

До рассвета оставалось еще несколько часов, и мощные лучи прожекторов выхватывали из непроглядной тьмы замершие в неподвижности ряды искрящихся кристалликами льда касок, мохнатых от инея бушлатов, медленно покачивающиеся автоматные стволы. Над всем этим живым скоплением стояли в морозном воздухе подсвеченные изнутри фарами клубы пара.

Холодно подмигивали в предновогоднем небе созвездия, крепчал мороз, ударивший ближе к ночи.

И жесткий порывистый ветер нес по обледенелому насту колючий снежный прах.

– Долго еще тут торчать? – ворчал Клыков, постукивая подошвами берцев по льду.

Володька Кошкин обернулся из передней шеренги.

– Ты куда-то торопишься?

– А он ждет, когда повар стол накроет!

– Размечтался...

Клыков обиженно засопел, но смолчал.

– Чем ты там звенишь? – потешался над ним Курбатов, давно и непонятно за что невзлюбивший парня. – Или яйца заледенели?

Клыков делал вид, что не замечает насмешек, и смотрел куда-то вбок.

– Это тебе не на твоей свиноферме в твоей Мухоедовке. Ничего, кто в армии служил тот в цирке не смеется ...

– Не трави душу! – проворчал Турбин, пританцовывая на морозе. – Вот сейчас бы б...ь грамм бы двести водочки, да огурчика соленого...б...ь!

– Ага – и телку сисястую под бок. Раскатал губу – хоть кормят неплохо, а в Бердской бригаде говррят так вообще чуть не кошачьими консервами харчатся...

– Эх, мужики, – вздохнул кто-то. – Чё вы грустите-то? Глядишь, Новый Год в Москве отметим – с девушками на Красной Площади погуляем! Может *спонсеры* какие пивка подвинут...

– Ага – пивка! Как бы яйцами тухлыми не обкидали! Дядька мне рассказывал – он как раз в девяносто первом срочную служил – так бабки сумасшедшие им в морды плевали – чтоб на Ельцына б...дъ не наезжали...

– Так то когда было...

Между тем, в штабной машине, разложив перед офицерами старую карту области, и китайской лазерной указкой обозначал движение колонны комбат.

– Получен приказ по бригаде на выдвижение в направлении Москвы... Боевой приказ! – повысил голос подполковник – не сильно, но так что его заместители и командиры вздрогнули. Будем выдвигаться в следующем порядке. Головной бронетранспортер, на котором буду я с первым взводом первой роты. Сзади нас – МАЗ со вторым взводом. Вторая рота, как самая малочисленная, уместится в трех машинах.

Замыкать движение будут ваши люди, – он поднял строгие глаза на изучающего карту Торопцева. – На сто с небольшим человек, думаю, хватит Урала и «броников». До этой точки, – комбат указал на неприметную дорогу, – идем одни, тут соединяемся с товарищами из МВД. Оттуда по сигналу начинаем выдвижение, пересекаем МКАД по Хорошевскому шоссе.

– Есть вопросы?

– Есть, – бросил Торопцев. Что делать если кто-то из местных начнет... проявлять агрессивные действия в отношении наших подразделений. Какие наши действия?

Подполковник медленно поднял глаза на старлея, и веско произнес, сверля его взглядом:

– Адекватные! И прекратите задавать глупые вопросы. По

выдвижении в район сосредоточения держать постоянную связь. Постоянную! – он взглянул на циферблат часов и выпрямился. – Все.

– Чего мы туда на ночь премся? – вполголоса спросил Торопцев приятеля – капитана Баранова. – Ведь так, по большому счету... города мы не знаем, рекогносцировку проводить запретили, вся надежда на офицеров связи «союзников».

– Не бери в голову, Серега! Что может случиться? Москвичи, как и все нормальные граждане, – не про нас сказано, – он усмехнулся – готовятся ко встрече Нового Года, шампанское покупают и ёлки наряжают. А там Новый Год – чтобы наш человек ради политики Новым Годом пожертвовал.

Им будет до всего по барабану. Когда у нас народ отходит с новогоднего бодуна?

Числу к третьему? Или к пятому? Так что неделю живи спокойно, помереть не дадут. А дальше видно будет.

* * *

– Старший лейтенант Торопцев! – ожил наушник переговорного устройства, и офицер, узнав голос комбата Козинцева, буркнул в микрофон:

– Я!

– Следуйте со своим подразделением к палатке номер четыре.

Торопцев вспомнил какую-то возню за плацем. Там действительно устанавливали какие-то палатки. К чему бы, когда в нескольких десятках метров параллелепипеда казарм, теплых и удобных?

– Не понял, уточните.

– В палатке развернут полевой пункт вакцинации. Короче, старлей – бойцам сделают прививки. Проследи, чтобы не было уклонистов.

– А что за прививки, товарищ майор?

– Бог его знает... Но это приказ. Как понял?

– Так точно...

Бойцы, позвякивая амуницией, переминались с ноги на ногу у матерчатого полога, из-за которого чуть пробивался свет лампы, переругивались, пихались плечами. Желаящих идти первыми не находилось.

«Сопляки совсем, – подумал старший лейтенант, поправляя на плече ремень автомата. – Как в школе на прививку... Здоровенные бугаи вымахали, курят девять из десяти, водку жрут, трахаются чуть не с двенадцати лет когда повезет, а уколов боятся...»

– Почему не выполняете приказ?

Парни переглянулись, по-прежнему не проявляя энтузиазма.

– Да кололи же месяц назад, товарищ старший лейтенант, – жалостливо сморщив мясистый нос, проканючил ефрейтор Усов. – Под лопатку... Рука потом неделю не поды-

малась. Опять что ли?..

Строй загудел.

– Разговорчики! – одернул ефрейтора Торопцев, душой разделяя мнение солдат – второй раз колоться никому не захочется. – В колонну по одному – становись!

Солдаты быстро построились, причем, первым в колонне оказался рядовой Хворостов – совсем зеленый пацан из осеннего призыва. Старлей вообще не понимал, почему этот, без малого двадцатилетний парень, кажется, даже учившийся на гражданке в институте, угодил не в учебку, откуда выпустился бы через полгода младшим сержантом, а сразу в строевую часть. Из-за всеобщего бардака, царящего в стране, наверное...

– Ефрейтор Усов!

– Я! – принял строевую стойку названный.

– Идете первым. Занять место перед рядовым Хворостовым.

«Нехрен тут панику разводить...»

Усов понуро вышел из строя и, отпихнув локтем рядового, встал на его место.

– Что, особое приглашение нужно? Пошел вперед!..

Полог качнулся, пропуская солдата. Отсутствовал он недолго и уже секунд через сорок вылетел обратно, сияя, как майская роза и на ходу опуская закатанный рукав бушлата.

– В руку! – возбужденно сообщил он товарищам, не обращая внимания на командира, но тот решил не придира-

ся. – Вот такой душой! Как из пистолета! Щелк – и готово! Совсем не больно!..

Очередь оживилась, и подгонять бойцов больше не пришлось...

– К машинам! – скомандовал старший лейтенант, когда утоптанная площадка перед входом в палатку опустела. – Сидорук – за главного.

– Так точно, – кинул ладонь в перчатке к заиндевелому краю каски «замок» первого взвода старшина Сидорук.

Дождавшись, когда нестройная колонна скроется из виду, старший лейтенант откинул полог и шагнул в душноватое тепло палатки.

– Офицерам не нужно, – оторвался от каких-то бумаг, разложенных на столе очкарик в белом халате. – Только солдаты.

– Нет уж, – задевая все вокруг в тесном помещении то стволом автомата, то неуклюжим от толстого бушлата плечом, Торопцев прошел к столу и плюхнулся на жалобно скрипнувший под ним складной стул. – Моих бойцов укололи – колите и меня.

– Я вам русским языком повторяю: офицерам не нужно! – повысил голос медик, возмущенно сверкая очками. – Или вам приказ показать?

– Покажите.

– Охотно...

Перед офицером лег чуть смятый листок бумаги, покры-

тый текстом едва наполовину. Пробежать его «по диагонали» было делом одной минуты.

– Вот тут написано... – Торопцев прижал ногтем строчку. – «Обеспечить вакцинацию личного состава антидотом...» Что это такое?

– Антидот – противоядие, – язвительно скривил в улыбке тонкие губы медик. – Вполне возможно, что будут применены спецсредства... В том числе слезоточивый газ, например... Или нервно-паралитический. Вы же не хотите, чтобы ваш взвод...

– Рота.

– Чтобы ваша рота валялась без чувств во время выполнения боевой задачи?

Старший лейтенант недоверчиво сощурил глаза.

– И что, на солдат газ подействует, а на офицеров – нет? За дурака-то меня не держите...

– Между прочим, – подобрался очкарик. – Я – майор медицинской службы если вы не заметили, старший лейтенант.

– Виноват... – немного смутился Торопцев, принявший медика за какого-нибудь сержантешку, а то и гражданского. – Под халатом не видно, извините...

Майор только махнул рукой, снова придвигая к себе бумаги.

– И все-таки, товарищ майор.

– Экий вы настырный, лейтенант! – раздраженно бросил листок медик.

Он бесцельно переложил бумагу на другой край стола, выдвинул и снова задвинул ящик стола, и, видимо, решился.

– Хорошо, хорошо... Это не антидот, старший лейтенант.

– А что тогда?

Майор внимательно глянул на него сквозь стеклышки без оправы и вдруг улыбнулся:

– Вы кино «Безумцы» смотрели?.. Ах, да... Вам же лет тридцать, откуда...

– Двадцать восемь.

– Тем более. Так вот, лейтенант, эти уколы – ну что ли своеобразное лекарство против страха. В критической ситуации препарат подавит стрессовую реакцию, взбодрит, купирует испуг и растерянность...

– Как допинг что ли на Олимпиаде?? – поморщился Торопцев, вспомнив недавние спортивные скандалы после которых Россия лишилась чуть не половины медалей.

– Ну если угодно, – пожал плечами медик. Но к счастью в боевой обстановке допинг-контроля нет.

– Хорошо, – серьезно кивнул Торопцев. – А мне, почему нельзя? Я ведь тоже человек – мне тоже страшно бывает.

– Понимаете... – начал врач, но сам себя перебил. – А почему бы и нет? Вы действительно хотите?

– Хочу.

– Тогда готовьте руку. Левую.

Минуту спустя, к шраму возле сгиба локтя прижался сверкающий никелем аппарат, действительно отдаленно напоми-

нающий громоздкий пистолет, что-то громко щелкнуло...

– Уже все? – удивился старший лейтенант, видя, как врач прячет свое «оружие» в блестящую коробку. – А это самое?.. – он неопределенно покрутил ладонью возле виска.

– Это же не наркотик! – рассмеялся майор. – Вы ничего такого не почувствуете. Вы вообще ничего не почувствуете – ни вы, ни ваши солдаты, если в течение трех не случится ничего экстраординарного.

– А потом?

– А потом препарат будет выведен из организма и все. Естественным путем, – еще раз улыбнулся медик. – С так сказать естественными отправлениями.

– Понятно... А если что, значит, то башню снесет, да?

– Что вы! Конечно, нет. Просто под действием препарата человек более устойчив к внешним раздражителям и все...

В полог просунулась голова в каске – капитан Лихонин, командир второй роты:

– Скоро вы тут? Рота мерзнет...

– Равняйся!.. – раздался многократно усиленный мегафоном и от того абсолютно неузнаваемый голос, от которого, подчиняясь перелаю офицерских команд, разом пришли в движение взводы, роты и батальоны. – Смирно!..

«Началось...»

Они вышли к дороге. Батальон, предоставленный сам себе, сломал строй, в ночном воздухе раздавались голоса, вспыхивали и гасли красные точки сигарет.

– Становись! – скомандовал Ликин.

Искры полетели под ноги, и подхваченные ветром, уносились, растаивали в темноте...

По машинам расселись быстро, без излишней суеты и шума.

Закрыв борт, Турбин набросил на защелку толстую цепь, то же сделал с другой стороны Сумин. Из темноты появился Торопцев, спросил, подойдя к борту:

– Все на месте, никого не потеряли?

– Дезертиров нет, командир.

– Ну что, братцы, с Богом?! – в наступившей тишине негромко произнес старлей.

Машина заворчала и тронулась.

* * *

... Они ехали дальше по трассе, слева виднелись черепичные крыши какого-то поселка, справа простиралось огромное белое поле с редкими оазисами густого кустарника. ... Взводу Торопцева вместо теплого БТРа с мягкими креслами и защитой брони, достался «Урал» с обитым жестью кунгом, где несмотря на выведенное колено выхлопной трубы было не сильно теплее чем на улице.

Солдаты развалились на мешках – за полчаса, что после построения провели в «брониках», плечи без привычки ныли ...

Затем пока старлей отдавал последние распоряжения, неутомимый Клыков влез в кабину и подвесил бронезилет на двери.

– Это зачем? – усаживаясь в кабину, спросил лейтенант.

Тот посмотрел на него так, будто ничего глупее в жизни не слышал:

– Мало ли... Не ровен час – одна очередь и все.

Посматривая на мелькающие в поле кусты, Олег подумал вдруг: «А ведь в этих зарослях может быть засада?»

И может быть в этот самый момент, неприятельский гранатометчик ловил в прорезь прицела их грузовик или снайпер выцеливает через стекло кабины водителя или его.

Но черт возьми – что за мысли лезут ему в голову? Откуда тут гранатометчики или снайпера? Их возможные противники в Москве ничем кроме длинных языков не вооружены.

В салоне бронетранспортера царил полумрак, тускло подсвеченный синим плафоном боевого освещения.

Моноotonно гудел за перегородкой мотор, нагнетая в салон сухое тепло.

На проселке машина мягко покачивалась и десяток солдат, одетых в неудобные, сковывающие движения бронезилеты, покачивались в такт. Ссутулившись, насколько позволял бронезилет, сержант Клыков которого по привычке хочется назвать прапорщиком. Судя по выражению лица его укачало. Торопцева тоже мутило, но останавливать же из-за этого всю колонну, и справляться с приступами тошноты

приходилось внушая, что и самочувствие ничего, и вообще все здорово... Пока помогало...

Дремлет Сергей, неловко запрокинув стриженную под «первый номер» голову на спинку кресла, на коленях покоится каска, обтянутая маскировочной сеткой. Автомат, приставленный к сидению, от тряски сползает и валится на днище. Приоткрыв мутноватые глаза, рядовой нашарил его вялой рукой, и вернул на прежнее место...

Торопцев ему безотчетно симпатизировал – этому неглупому «молодому» парню в котором интуитивно чувствовался крепкий внутренний стержень.

Опять же – хотя в армию попал по глупости – но не дурак – хоть при случае есть кому стенгазету оформить. А то контингент все больше такой, что считает будто «Преступление и наказание» – это приложение к УПК. Вопрос – не подведет ли если что? «Если – что?» Торопцев нервно поежился – у него было твердое ощущение – никакие это не маневры и даже не операция устрашения. Что – он понять не мог – что бы не лезло в голову, все было слишком фантастическим.

Радист – ефрейтор Дубов между тем вертел верньеры радиции – старой транзисторной, наверное еще мэйд ин ЮССР.

– Про что – там слышно? – спросил пробудившись от полудремоты Сергей.

– Да – станция ФМ-шная какая-то – бросил ефрейтор. О сексуальной революции и нетрадиционной ориентации рассуждают...

– Где ориентации?! – не открывая глаза промычал закемаривший Клыков.

– В жопе, – исчерпывающе пояснил Дубов.

– Разговорчики – кинул ни к кому не обращаясь лейтенант.

Они миновали какой-то поселок.

... Мимо поплыли дома, редкие люди, спешившие по своим делам. Проехав мимо строения с тускло освещенными витринами, и надписью почему-то готикой: «Мини-маркет... Затем колонна втянулась в лес – и лишь темные ели стояли вокруг, сжимая ленту проселка как угрюмые стражи...

* * *

Телетекстовая строка «Гламур-ТВ»

Предновогоднее предложение – самые вкусные холодные супы в ресторанах Москвы...

Секс и алкоголь: найден рецепт безумной страсти...

Как выглядят знаменитости без одежды.... Фото от знаменитых папарацци...

Беспрецедентные распродажи в бутиках Москвы. Адреса, фото, цены...

Названа самая роскошная сеть отелей в мире...

Самые сексуальные топ-модели современности...

* * *

«Радио-консалтинг»

Всемирный банк опубликовал доклад, посвященный росту числа трудовых мигрантов в разных странах. Россия заняла в рейтинге одно из лидирующих положений по обоим параметрам. Согласно докладу, по итогам этого года в страну мигрируют примерно более 12 млн гастарбайтеров.

* * *

Подмосковье. 25 декабря 201...года. Три часа до времени «Ч»

– Черт, лезут под колеса! – Андрей резко вывернул руль, объезжая мужичка с плакатом на груди, в последние дни набившим оскомину: «Правительство коррупционеров и гэбнюков – в отставку!». Эти пикетчики с плакатами бродили чуть не по всему центру Москвы согласно заявленной вожаками «молекулярной теории» (что это такое они разумеется не слышали, но Андрей знал из интервью чина Московского ГУВД что ходить с плакатами законы не запрещают)

– А ты на дорогу чаще посматривай, а не на Элькины

коленки! – ехидно вставил Борис. – А то переедешь какого-нибудь шизика – Новый Год в ментуре будем встречать. В смысле – в гостях у полицаев. А я их не люблю – у меня еще прадедушка полицаев убивал! – он хохотнул.

– Пусть под колеса не лезут, – огрызнулся молодой человек, и в самом деле бросая в зеркало заднего вида плотоядный взгляд на обтянутые натуральным шелком дорогуших итальянских чулок, открытые любому нескромному взгляду, круглые колени развалившейся на заднем сиденье джипа Элеоноры Климовой.

– А дорога-то сегодня – класс! – сменил тему Борис, по реакции «водителя» смекнув, что тот уже успел «задвинуться коксом» и теперь ему сам черт не брат. – Ни пробок, ни ментов... Еще бы светофоры гадские отключили – именины сердца.

– Ага! – охотно откликнулся Андрей. – Видали, – кивнул он на спидометр. – Соточка! На МКАДе так не разгонишься. Оппозиция – я тебя люблю! – в избытке чувств, крикнул он, отпустив на миг руль и похлопав ру-ками.

Джип, едва не отрываясь от дороги, словно истребитель от взлетной полосы, пересек МКАД и, все наращивая скорость, влетел на территорию Московской области.

Тема отсутствия надоевших всем пробок недолго занимала ребят: как и большинство молодых людей их возраста их интересовали лишь те проблемы, что непосредственно их касались. С глаз долой – из сердца вон! Вот если бы пришлось

тащиться в сплошном потоке нетерпеливо сигнализирующих авто со скоростью пешехода, тогда да. А так...

– Долго еще до этой твоей дачи? – недовольно спросил Андрея Борис, когда позади остался очередной поворот к дачно-коттеджному поселку, в последние годы облепившие эту оживленную обычно трассу, как опята пенек. – А то будем так до Нового Года кататься... Антошка – у тебя фляжка с коньяком всегда с собой. Дай хлебну!

– Да близко уже. Еще минут сорок... – Андрей лихо объехал автомобиль, который какой-то идиот припарковал прямо на проезжей части. – Успеешь еще нажраться – бочка бездомная!

– Бездомная, – машинально поправила Элеонора.

– Именно что бездомная!

– Ты меня не учи, – засопел Борис, не любивший, когда его желания не исполнялись в момент их возникновения в стриженной ежиком лобастой голове. – Антоха!

– Ребята, а какие тут места, – позволила себе встрять в разговор друзей Лена, понимая, что назревает ссора и необходимо ее разрядить. – Прямо тайга дикая! – она махнула рукой, указывая на пролетающий с обеих сторон дороги еловый лес, кажущийся дремучим – вот-вот Баба-Яга на трассу выйдет – с помелом своим да котом черным.

– Что есть – то есть! – снисходительно бросила Элеонора Климова, поддержав Елену. – Таки права госпожа Горелова – леса не хуже чем у меня дома, в родной Сибири!

Елена улыбнулась в ответ на подтрунивание подруги. И в самом деле, красивая той особой знойной «левантийской» красотой, что была бы весьма уместна где-нибудь на берегах Мертвого моря, Элеонора была родом из Красноярска, где ее отец заправлял нехилой энергетической компанией, снабжавшей электричеством территорию, сопоставимую если не с Францией, то со всем Бенилюксом – непременно.

Ее лучшая подруга и без преувеличения – благодетельница.

Казалось, что вообще могло быть общего между наследницей сибирского энергобарона и дочерью спивающегося инженера и бывшей пианистки, деградировавшей учительницы музыки в крошечной провинциальной школы искусств, и продолжающей катиться вниз? «Госпожа Горелова», ха! Надо же!

Общеизвестно, что ныне в молодежных компаниях нет и тени прежнего советского демократизма о котором она читала или слышала от родителей или преподавов. «Плейбои существуют в своем кругу, а плебеи – в своем» – как смеясь, говорила ей сама Элеонора. Но если таковая все же возникает, то уж тут симпатичной и неглупой плебейке следует раз и навсегда примирится со схемой, похоже, утвержденной свыше: представительница «золотой молодежи» оказывается лидером, а простолюдинка – сугубо ведомой.

Но Элеонора, к ее чести, довольно редко подкалывала Лену, видимо следуя старинной викторианской морали –

«Джентльмен способен забыть о разнице между ним и слугой, если конечно о ней не забывает слуга». Наоборот – даже оказывала покровительство, с первого курса предупреждая о дурных компаниях, где девушку могут напоить чем-нибудь, а потом попользоваться всей кодлой, или от знакомства с парнем, имеющим привычку сажать подруг на «герыч», а потом «оформлять» за долги в эскорт-услуги. Да что говорить – ее нынешняя неплохая зарплата и, в общем-то устроенная жизнь – заслуга благоволившей ей Элеоноры.

Честно говоря, девушка до сих пор не очень понимала, что все таки стало причиной внимания к ней этой нетипичной сибирской красавицы, чьи черные как смоль волосы и нос с изящной горбинкой так не сочетались с окающим говорком, и зауральскими словечками. Всякими «однако», «блазнить-ся» и «охально изобидели»...

Сперва Лена даже думала, что Элеонора, неоспоримая «королева курса» равнодушна к своему полу, и не без тревоги ожидала поползновений с ее стороны по этой части. Нет, конечно, Лена была готова пойти навстречу подруге в любом случае – было бы глупо терять такой «счастливый билет» из-за, в общем-то, пустяков. Но, все же, эти специфические отношения с лицами своего же пола, ее ничуть не привлекали. Не с моральной, упаси Боже, стороны – с чисто физиологической. Хотя – было время, она черной завистью завидовала однокурснице Жанке Кленовой, удачно пристроившейся к богатой бездетной сорокалетней семейной паре,

сперва – в виде сексуальной игрушки, пресытившихся нуворишей, а потом ими даже удочеренной.

Кстати, и на встречу Нового Года ее прихватила Климова – и тоже не просто так, а потому, что среди гостей, по словам Элеоноры, должен быть один молодой человек ближе к тридцати, который «вроде как с интересом смотрит» на Елену.

Причем, по ее словам «мальчик» этот – выходец из вполне интеллигентной семьи, поздний ребенок зампреда правления какой-то довольно большой компании по производству электронных компонентов, доктора всяческих наук и членкора академии, который весьма боится оставить мир подлунный, так и не увидев внуков. Так что при определенной ловкости и небольшой доле везения быть Ленке «миссис Электронные компоненты», – посмеивалась Элеонора. А уж взлетев высоко, и она, небось, подругу не забудет. Главное – удержаться от того, чтобы прыгнуть к нему в койку на первом же свидании...

Визг тормозов и голос отчаянно чертыхнувшегося Бориса отвлекли Лену от размышлений.

Тявкнула спросонья маленькая той-терьерша Дэйзи – псюшка Нинки Ванновской.

– Что там еще за фигня?

В лиловатом ирреальном свете галогенных фар была видна лишь перегораживающая дорогу цепочка пластиковых барьеров, щедро украшенная ярко-красными «STOP».

Это что – чья-то шутка? Трасса конечно не правительственная, но все же, перегораживать ее просто так никто не станет.

Потом взгляд ее нашел стоящий у обочины сине-белый «луноход», а затем и двинувшихся в их сторону «зеленых человечков». Не первой молодости грузный мужик в зимнем камуфляже, зеленом флюоресцирующем жилете ДПС ГИБДД, вооруженный неприменным символом власти – полосатым жезлом и двое сопровождающих. Лена сразу отметила про себя, что одеты они были непривычно: глухие спецназовские шлемы с бронестеклом и тяжелые, стоящие коробом бронежилеты «фирменных» «ментовских» цветов. Впрочем, автоматы были закинута за спины и угрозы от «служивых» не исходило.

Андрей, не дожидаясь пока «ментозавр» постучит в стекло своей полосатой палкой, сам открыл дверь. И даже протянул бумажник с правами, из которого бесстыдно торчала не самая мелкая купюра.

– Что случилось? Что-то не в порядке? – с елейной вежливостью осведомился Борис.

Подошедший инспектор, оказавшийся краснолицым мордастым старшим прапорщиком, на права, как и на купюру, внимания не обратил.

– Езжайте назад, – бросил он сухо и неприязненно. – Закрыт проезд.

– Это почему же? – Борис, похоже, демонстративно не

убирал корочки с криминальным содержанием. – А может, сделаем исключение?

В выражении лица (или если угодно «морды лица») гаишника что-то промелькнуло... Недобрая какая-то тень, если не сказать большего. Но заметила это лишь Лена, да и то не придавала большого значения, позабыв почти сразу.

– Авария там впереди, – буркнул гаишник, – и приличная – бензовоз в трейлер въехал! Да еще пара машин, что следом тащились, спалились – прямо в огонь и кранты!

Андрей присвистнул.

– Серьезно, командир? А чё там бензовоз-то делал? Это ж почти Рублевка!

– Мне откуда знать? – тяжело, как топором обрубил, бросил страж порядка. – Сказали – перекрыть дорогу – авария первой категории сложности. Вы там все равно не проедете, – словно оправдываясь, пояснил прапорщик. – Там вся дорога железом завалена, и огонь еще не потушили. Езжайте, – неумолимо закончил он, повернулся и двинулся к «луноходу», всем видом показывая, что разговор окончен.

– Н-н-да, – протянул Андрей удрученно, вырубивая назад, и с некоторым злорадством провожая глазами мчащуюся навстречу «облому» «Мицубиси-Паджеро».

– Что ж делать-то? Теперь только через Москву – другой дороги я не знаю.

– Я знаю, – открыл, наконец, рот Антон Мягков.

«Глуповат, хотя и добрый, окрутить можно было бы без

напряга, но папа стоит за сотню «бакинских лимонов», и меньше чем на пятидесяти – семидесяти миллионах парню жениться не позволит, – автоматически вспомнила Елена наставления Климовой. – Так что даже я не котируюсь – у моего папахена двадцать пять с половиной!»

– Да нет тут никакой дороги, – буркнул Борис и помахал в воздухе мигнувшим разноцветием карты навигатором. – С техникой не поспоришь.

– А кроме компьютера еще есть вот этот компьютер, – усмехнулся Антон, выразительно постучав себя согнутым пальцем по голове. – Твой не знает, а мой знает – есть дорога в объезд. Километров шесть отсюда.

– Не свисти! Чтобы джипиэска и не знала!

– А вот представь! – не уступал тихоня, проявляя несвойственную твердость. – Тут пару месяцев назад, перед самыми холодами, дорогу построили. Не дорогу, а так – просеку провели, да грейдер пустили – к новому водозабору подъездной путь.

– А не засядем там? – напрягся Андрей. – А то, что делать будем? Если вызывать аварийку – отец меня карманных денег на год вперед лишит: и так уже поедом есть за тот прогрыш!

Лена невольно улыбнулась, вспомнив ставшую достоянием гласности историю, как тот просадил за полчаса в «Короне» двадцать шесть тысяч евро, подаренных отцом на день рождения.

– Да там всего с километров шесть, говорю, – пояснил Антон. – Потом как раз на шоссе выйдем, выше этой чертовой аварии. Носит же всяких мудаков под Новый Год! – буркнул он. Им что – сгорел и все дела, а нам вот мучайся!

Компания засмеялась – им и в самом деле это показалось остроумным – засмеялась и Лена, пусть и наигранно...

И в самом деле, дорога нашлась – узкая, почти незаметная с трассы просека, так что двум встречным автомобилям разъехаться было бы проблематично. Но чистая и достаточно ровная, так что их почти не трясло на колдобинах – неизменном спутнике всех наших проселков. Вокруг сомкнулись сосны и ели, словно во взаправдашной тайге.

«Да, если застрянем – и не найдут!» – подумала Лена, но вслух не произнесла. Еще и впрямь застрянут – потом еще скажут – накаркала. Лучше помолчим. Умненьким провинциальным девочкам лучше помолчать до поры до времени – пока они не будут стоять хотя бы миллион. Само собой, зеленый.

Прикрыв глаза, Лена принялась обдумывать гипотетическое начало знакомства с сыном членкора. Она и видела его всего раза два... Как, бишь, его там? Кажется, Виталий? Надо будет у Эльки уточнить, а то еще оконфузишься ненароком и все планы насмарку. О чем бы таком с ним завести непринужденную беседу? Интересно, он такой же умный, как его папаша, или попроще? Что там говорили, что, мол, природа отдыхает на детях великих? Не хотелось бы, чтобы

разговор касался ужасно интересных полупроводников или тому подобных транзисторов с резисторами. В этой премудрости Лена не понимала ровным счетом ничего.

Машину мощно качнуло, и она резко повернула так, что Лена повалилась на Элеонору – видимо они выехали на шоссе. Ну, похоже, действительно пронесло!

А потом водитель вдруг так резко ударил по тормозам, что Горелова еле-еле не стукнулась лбом о переднее кресло.

– Мать ее.....! – только и смог выговорить сидящий рядом Антон, прежде любовью к нецензурной лексике, насколько помнила Лена, не отличавшийся.

И было от чего – в свете фар возникла тусклая камуфляжная зелень боевых машин выстроившихся у обочины в теряющийся в темноте бесконечный ряд.

И было их много, очень много. Но это было единственное, что она успела разглядеть. Андрей вновь выругался, ударив по тормозам, так что джип занесло. А потом окна загородили, словно из-под земли выросшие, толстые фигуры в касках и бронежилетах. И с автоматами в руках – и автоматы эти были направлены на них. Да – именно так: черные зрачки стволов неумолимо смотрели в лица оторопевших пассажиров иномарки. В лицо ей – Лене Гореловой, двадцати трех неполных лет, студентке пятого курса Академии Энергетики и Нефтедобычи, в любой момент грозя плюнуть свинцом и оборвать ее, толком еще и не начавшуюся жизнь. Каким то непонятным образом она почувствовала эту жуткую неумо-

лимую угрозу исходившую от фигур обступивших машину. А потом кто-то рванул дверь, и в уют комфортабельного салона ворвался ледяной порыв ветра.

– Выходите! – вороном каркнул хриплый голос. – Живо!

И столько было непреклонной силы в нем, что все пассажиры джипа лишь молча повиновались.

Выбираясь из машины, Лена бросила взгляд назад, и сердечко ее дрогнуло – колонна техники и там уходила вдоль шоссе куда-то во тьму. У бронетранспортеров кучками стояли солдаты, курившие, переговаривающиеся, хлопающие себя по-ямщицки руками крест-накрест, чтобы согреться. А дальше, лишь огоньки сигарет теплились в холодной декабрьской мгле. Но даже мимолетного взгляда девушке было достаточно, чтобы понять, что в колонне не десять и не двадцать машин, а много, много больше.

– Влипpli! – шепнул кто-то позади нее – кажется Борис или Антон. – Бли-и-ин!..

Но вслушиваться в тихий мат было некогда: к ней уже подошел какой-то военный у которого в густой тени под в низко надвинутой каской было не разглядеть лица, и потребовал предъявить документы. Она как во сне вытянула из сумочки паспорт и студенческий. На бумаги лишь мельком глянули – Лене даже показалось, что в них толком и не смотрели – и тут же вернули назад.

Впереди Борис что-то объяснял здешнему начальству, переходя с оправдывающегося тона на наглый нажим, но де-

вушка не слушала, что тот говорил.

Она уже поняла, что могло случиться для того, чтобы на мирной подмосковной дороге вдруг появилась воинская колонна, а также – почему было перекрыто шоссе...

«Это переворот! – догадалась Лена. – Ну точно же – это переворот! Как я раньше не догадалась!»

В их кругу – вернее в кругу, где она всеми силами старалась закрепиться, разговоры о политике, как и любое в ней участие считалось дурным тоном. Но все же она жила не с закрытыми глазами, и знала, что положение в России месяц от месяца лучше не становится, а совсем наоборот. Перманентное безумное столпотворение в центре Москвы, которое уже привыкли называть «Майданом» по примеру того – другого, уже полузабытого Майдана Незалежности, разговоры о том, что все насквозь прогнило, а в особенности – власть, постоянно возникающие и усердно раздуваемые слухи, то о развале страны – полном и окончательном, то о неизбежной гражданской войне, то о столь же неизбежной высадке сил НАТО, только и способного умиротворить «этот бедлам», и вообще чуть ли не о конце света... Даже ее приятели нет-нет, да и проговаривались насчет поганой экономической конъюнктуры, дерьмовых прогнозов, падения котировок и того что нынешний президент вкупе с кретинами из правительства определенно доведет дело до краха.

Перед мысленным взором девушки пронеслись смутные картинки из прошлого. Ей два годика или чуть больше. По

телевизору – играет печально-возвышенная музыка, да время от времени суровый торжественный голос зачитывает что-то такое, от чего мрачнеет папино лицо и плачет в платочек бабушка. Потом, когда подрастет, она поймет, что это был тот самый август 1991 года, который теперь, из XXI века кажется какой-то седой древностью. А потом снова: напряженные лица родителей, тогда еще любящих друг друга и ее их кровиночку, их доченьку – устремленные на экран старенького «Рубина», где дымом и пламенем исходит угловатое белое здание... Это уже девяносто третий... И рыдающую соседку – тетю Мальвину, сына которой привезли в цинковом ящике из исходящего таким же дымом и огнем Грозного – всего через год с небольшим.

Потом окружавшие их бойцы так напомнившие ей действующих лиц давней телехроники, расступились.

Появились два новых персонажа: начальственно держащийся рослый худощавый человек в городском зимнем камуфляже и широкоплечий крепыш, в зеленом армейском бушлате и «бронелифчике» – так кажется это называлось в переполненных непонятными терминами и аббревиатурам романе «про Афган», который лет семь назад подсунул ей одноклассник Лешка, в которого она тогда была тайно влюблена.

– Да, лейтенант, вот тебе и ваш блокпост, – с превосходством бросил высокий. – Целый джип прохлопали! А если бы не мои орлы что было бы? А если бы кто-то из них по-

звонить успел бы? Вот потому в стране и бардак, что так во всем!

Он поднес к уху рацию, что-то пролаял в микрофон. При синеватом отсвете ее пульта девушка успела разглядеть могучий нос и большие звезды на плечах бушлата – она не разглядела точно – одна или две.

– Откуда они взялись? – оправдывался армеец с мелкими звездочками на плечах. – На карте той дороги не было.

– Знаю, что не было, – кивнул майор. – И отлично тебя понимаю, старлей! Было лень проверить! И в самом деле: пехота, мать вашу – самые хорошие солдаты! А знаешь почему? Убить трудно! – взорвался он истеричным криком. – Если голову отстрелят, могут задницей думать – это у них даже лучше получается! Ты хоть понимаешь, что сейчас мы чуть не сорвали операцию! Всю операцию! ВСЮ!! Ты это... А!!

Офицер махнул рукой и с минуту беззвучно шевелил губами.

– Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – продолжил он, уже остывая. – А с этими что будем делать?

– Их нельзя отпускать – торопливо бросил стоявший неподалеку от Лены здоровяк.

– Конечно, – кивнул майор (или все же подполковник – девушка так плохо разбиралась во всех этих звездочках и лычках...) Посидят у нас до завтра. До вечера. А там – пусть валят на все четыре стороны.

– Что значит – задержать?? До какого выяснения? – воз-

мутилась Элеонора, выслушав старшего лейтенанта (Лена слышала, как к нему обращался какой-то солдатик). – Все документы при нас! И верните нам немедленно мобильники! Я свяжусь со своим адвокатом! – последняя фраза прозвучала слишком уж нарочито, тем более что девушка постаралась подбавить апломба в голос.

«Неужели они не понимают??!!» – раз уже наверное в третий всплеснула про себя руками Лена. Неужели же ее друзьям – вроде умным и вполне соображающим в жизни ребятам не ясно, что происходит? Что надо не права качать, а радоваться, что все вроде обойдется без эксцессов...

– Пройдемте, и не заставляйте применять физическую силу... – лейтенант старался изо всех сил держать себя в рамках, но явно терял терпение. Краем глаза Горелова отметила, как мелькнула презрительная ухмылка на лице ближайшего «ментозавра», на рукаве форменной куртки которого красовался оскаленный тигр с поднятой для удара лапой. Отметила и заключила – поручи дело этому хищнику, и их всех бы давно повалили наземь, отходили дубинками и заковали в наручники. Правда, у этих дубинок нет, но зато у них есть автоматы.

«Ой, мамочка, что же будет?!..»

Похоже, ее спутники тоже постепенно соображали – что плетью обуха не перешибешь. Власть есть власть: какие бы у твоего папаши на счету ни лежали миллионы – переть на рожон, когда она настроена вот так, решительно – предельно

опасно. Ведь дураку ясно: эти не канючить денежку, прикидываясь суровыми – эти не играют.

И вдруг...

– Да вы чего?! – истерично заорал Андрей, отпихивая пытавшегося загородить ему путь молоденького солдатика и подсакивая вплотную к офицеру. – Да чего ты творишь, х...й тебе в грызло! Вы чё – охренели тут все нафиг?! Да мой батя – генерал, если хотите знать! Таможенной службы! Не вашей говенной ментуры! Он захочет – вы на пузе к нему приползете сапоги лизать! Да перед ним твои генерашки на цыпочках ходят и в жопу целуют! Ты чё – погоны нацепил, и думаешь крутой, да?? Батян мигнет, и ты эти погоны снимешь и сам ими жопу мне вытрешь, если я захочу!.. Уйди, сапог! – сбросил он с плеча руку крепыша-лейтенанта. – Отстань, чмо!

Лена похолодела. Она отлично знала, что время от времени с адекватным в общем парнем происходит нечто непонятное: то ли воспитание в богатой семье его так испортило, то ли дефект нервной системы, не замеченный в детстве, то ли еще что-то – поговаривали, что он плотненько сидит на кокаине – но иногда малейший, на первый взгляд, пустяк внезапно превращал его зверя.

Например, он не раз и не два посылал по матери поставившего ему не ту оценку преподавателя. На ее глазах, ударом кулака сломал челюсть девушке-официантке, ненароком пролившей его костюм несколько капель вина. И его па-

пику пришлось мало того, что платить компенсацию за лечение, так еще и ездить лично извиняться к хозяину казино – не за выбитые зубы «халдейки», конечно, а потому что имел место скандал в приличном заведении. А уж ссоры с однокурсниками...

Еще краем уха она слышала, что из колледжа в чинной благопристойной Англии его выперли, когда он ни за что ни про что избил сына какого не то лорда, не то пэра.

– Сейчас, – бормотал Андрей, суя руку за отворот пальто и заставляя этим движением напрячься всех полицейских. – Щас я, вот, звякну бате... – Он выхватил из-за пазухи второй мобильник, но так и не успел набрать не единой цифры.

Стоящий рядом с офицером солдат ударил его по руке, и тонкий изящный «Сименс» полетел на асфальт. Прямо к ногам лейтенанта. Тот брезгливо отпихнул его ботинком, но что-то не рассчитал слегка – и хрупкая игрушка, чуть слышно хрустнув, погасла.

Несколько секунд Андрей даже не со злобой, а с каким-то недоумением взирал на человека, так обошедшегося с его собственностью. Видимо, он уже давно не сталкивался ни с чем подобным – да и кто в этом мире мог так обойтись с сыном почти что олигарха? Небожителя!

– Ну все, – наконец выдохнул он, кусая тонкие губы. – Ха-на тебе, сапог!.. – и новая порция отборной матерщины обрушилась на окружающих. – Хана тебе, жертва пьяного акушера! Да этот мобильник стоит больше, чем ты со всеми потро-

хами! Грохну козла... За базар реально положу в грунт пидораса... Ненавижу, б...ь, быдло! Затрамбую всех, х... вам в грызло... Да я тебя..... и отца твоего, и мать..... и сестру.....!!!! Ненавижу-у-у!!!

Он совсем потерял человеческий облик, этот сынок таможенного генерала. Казалось, что сейчас Андрей встанет на четвереньки и вцепится стоящему столбом лейтенанту в ногу, как взбесившийся пес. Или сразу в горло...

Богу, истории или судьбе было угодно, чтобы именно сейчас и здесь встретились эти два человека. Оба – достойные дети своего отвратительного и несчастного времени.

Лейтенант Торопцев стоял перед беснующимся мажором, но думал совсем не о нем. Он вспоминал сейчас свою сестру, Машу...

Вспомнал, как видел ее последний раз живой – счастливую, лучащуюся счастьем своих двадцати трех лет и будущего материнства, встречающую его, любимого братца, на пороге старой маминой квартиры. Пришедшего с войны старшего брата.

Тогда, при одном взгляде на ее милое личико, он тогда как раз вернувшийся из очередной командировки на вновь вспалившийся Кавказ, забывал и обо всех треволнениях, и о тяготах службы...

Но вспомнил он и телеграмму, полученную ровно через десять дней. Телеграмму которой до самого конца, до приезда в родной городок, до того момента, как... не хотел верить.

Акты экспертизы, одного из которых хватило бы любому честному судье для приговора...

Угрюмо отводящих глаза гаишников...

А потом – грубое квадратное лицо хорошо упакованного мужика, за спиной которого кабаньими тушами торчали два телохранителя, грозных на вид, но с которыми он мог бы справиться без труда. Папашу «гражданина Николаева Н.Н.» «совершившего в результате грубого нарушения правил дорожного движения наезд на гражданку Трофимову М.Н. повлекший за собой смерть потерпевший вследствие полученных травм». И его вкрадчивое предупреждение: «И не вздумай там, лейтенант, чего насчет сына моего подумать – у тебя ж еще две сестры и тетка с племянниками...

Господи, как он их ненавидел! Как бессонными ночами строил планы мести – один страшнее другого. Как в алкогольном бреду проклинал Бога, и призывал в отчаянии Врага рода человеческого – пусть поможет ему раздавить этих гнид, и забирает его душу нафиг на веки вечные! Как радовался ранней смерти отца – ведь тот не успел увидеть, так и не узнал его мерзкого бессилия...

И вот сейчас перед ним стоял не просто наглый представитель той самой «золотой молодежи». Перед ним стоял убийца его сестры и ее так и не родившегося ребенка, правда неузнаваемый, но он – точно он. Стоял его наглый самоуверенный живоглот-папаша, стояли все хозяева и их детки, все отребье, сколько его ни есть на Руси.

...Похолодев, Лена различила в глазах лейтенанта то самое выражение, какое появлялось у ее отца, когда мать в очередной раз возвращалась из очередного загула через два, три, пять дней – опухшая, смердящая перегаром и немывтым телом, с синяками под глазами, в кое-как застегнутой одежде, под которой иногда не было нижнего белья. С таким точно выражением отвердевшего вмиг лица ее отец кидался на мать с кулаками, и бил, бил, бил – зло, страшно, без жалости и пощады.

Она хотела закричать, предупредить – но о чем? Да и страх чего-то неизбежного, чего-то уже случившегося парализовал ее. И она могла лишь сжиматься в ужасе от того, что сейчас неминуемо произойдет.

И оно произошло.

Тихо, но страшно всхрапнув, лейтенант вдруг рванул с плеча автомат, перехватывая его поудобнее... А потом... Одним резким и мощным движением, со страшной силой впечатал металлический затыльник в лоб, в висок так и застывшего с открытым ртом Карпунина, заставив уйти в череп, как показалось перепуганной девушке на целую ладонь. Что-то фонтаном брызнуло из-под металла, горячими капельками упав на замерзшую девичью щеку, перезрелой сливой лопнул глаз в левой глазнице Андрея и наследник компании «Карпунин и партнеры», мнящий себя бессмертным и неуязвимым, рухнул на обледенелый асфальт. Вернее, рухнуло одно его тело, потому что сам Андрей Николаевич Кар-

пунин, двадцати трех лет от роду, аспирант Высшей Школы Экономики, сын генерала таможенной службы и внук олигарха средней руки, умер мгновенно – почти сразу после того, как обожженное морозом стылое железо раздробило череп, а мозг, апгрейженный всяческой премудростью в Оксфорде и Сорбонне, привыкший ворочать на бирже миллионами, и мыслить в категориях рынка, финансовых потоков и макроэкономики, изрядно уже отравленный наркотиками, превратился в кусок мертвой биомассы, напичканной обломками костей.

Первым среагировал стоявший метрах в трех от лейтенанта мент – тот самый, презрительно кривившийся. С места прыжком он подлетел к офицеру, вырвал автомат, а потом плотно обхватил, как бы обнимая. Проведя этот «вяжущий» специфический прием, когда руки оказываются прижаты к телу, он выкрикнул что-то... Но потом вдруг отпустил лейтенанта, посмотрел ему в лицо, и как-то странно махнул рукой.

Взвыв как раненная волчица, Элеонора рванулась куда то, но стоявший сбоку омовец почти без размаха ударил ее носком ботинка точно между ног. Ударил видимо чисто рефлекторно – такой прием больше эффективен против мужчин, но девушке хватило и этого. Захлебнувшись криком, лучшая подруга Лены покатила по земле. Девушка еще успела увидеть, как к ее товарищам кинулись со всех сторон фигуры в сером «камуфле», а потом мощный рывок повалил

Лену на асфальт, и безжалостная рука подняла ее за шкуру как котенка и поставила на колени.

– Руки за голову! – прокаркал над ней кто-то огромный и страшный. – Сидеть! Не двигаться!

И вчерашние хозяева жизни повиновались, потрясенные и раздавленные всем случившимся.

Вокруг мрачно переговаривались бойцы, несколько крепких парней, как бы невзначай обступили убийцу, чье странно просветленное лицо вызывало у девушки какой-то совсем неподдельный и непонятный страх.

Подбежал майор, выругался вполголоса, принялся что-то отрывисто лаять в рацию...

Спустя пару минут, тихо порывивая мотором, к ним подъехал громадный – размерами вполне схожий с БТРом блестящий черным лаком джип. Лена не знала, сколько такой стоит, но знала другое – столь шикарной машины не было ни у кого в их нефтяной академии, стоянка которой уже буквально не вмещала роскошных иномарок. Из окна выглядывал ствол ручного пулемета. Мигнули и потухли подфарники.

Сперва из пахнувшей ароматом натуральной кожи темной глубины машины, подсвеченной зелеными огоньками приборной доски, выбрался бородатый великан, одной рукой как лопату или лом держащий за ствол тот самый ручной пулемет. Затем, легко выпрыгнул высокий и худой человек в полевой форме и почему-то генеральской папахе старого

образца.

Горелова подумала, что это и есть главный здешний ко-мандир.

– Так... – произнес он, глядя на распростертое тело Бори-са, и стоящих на коленях молодых людей. Так... – повторил он. Хороший удар – что я могу сказать? – горький сарказм звучал в его голосе. Майор подбежал к нему, что-то начал вполголоса говорить на все том же непонятном языке. Тот слушал минуты три, а потом резким жестом остановил под-чиненного. Видимо, он уже сообразил все и сам.

– Отойдем, Олег, – бросил он столбом стоявшему лейте-нанту. Надо поговорить.

Они отошли к ограждению. С минуту генерал Усманов – командир сводной Терской бригады МВД, и командир осо-бой группы «Б» молча смотрел на командира приданной его бригаде десантно – штурмовой роты.

– Я... – Олег было порывался сказать «не хотел» но по-перхнулся словами. Не нужно обманывать себя, а уж стар-шего по званию и командира – тем более. Я... не знаю как получилось, – произнес он. Вышло совсем глупо и по детски.

– Я понимаю, – сухо произнес Усманов. Этот ишак вино-ват сам, конечно... Но не о нем речь – о тебе. Есть два вы-хода из ситуации.

Первый – по закону. Я пишу рапорт, ты пишешь рапорт, я отстраняю тебя от командования, составляю протокол, са-жаю вместе с этими деятелями... А потом – когда все кон-

чится, ты идешь под суд.

Этот выход мне не нравится. Хотя бы потому что впереди у нас важное дело.

Есть другой – он мне нравится больше. Догадываешься какой? Я помогу тебе, – бросил Усманов. Помогу... Потому что мой боец мне дороже любых шлюх на лексусах. А ты с сегодняшнего дня с двадцати трех ноль-ноль – мой боец, согласно приказу подписанному... сам знаешь кем, и подтвержденному сам думаю догадываешься какими кодами. Это два. И еще – у нас, в наших краях все всё знают про всех. И все знают, что твоего покойного отца выгнали из армии потому, что он тогда не дал этому выродку Гулаеву все заслуги которого что он вовремя переметнулся, зачистить село Ахтуры. Маленькое такое село, на тыщу с лишним душ. Там живет моя тетка с мужем и пятью детьми. Это раз!

Так что не будет рапорта. Я решу это вопрос... в рабочем порядке. Понимаешь?? – пытливо и серьезно спросил Усманов.

– Понимаю... – пересохшими губами пробормотал Торопцев. Он все понимал. Чтоб он мог и дальше жить без проблем, должны будут умереть еще пять человек. Которым нет дела ни до его личных бед, ни до наступающего часа «Ч», ни до прочего. Он хотел было сказать, что не надо ничего решать в рабочем порядке, пусть уж все идет как идет, но только пускай ему разрешат довести до конца дело, к которому они готовятся, а там уж.... Но посмотрев в не по южному ле-

дяные глаза генерала, понял – бесполезно. И еще вспомнил искаженное презрением и злобой лицо убитого им ублюдка, и презрительно поджатые губы черноволосой девки.

«Черт с ними! Глаша тоже хотела жить!» – произнес кто-то злой и сильный у него внутри.

И Олег лишь молча кивнул.

– Но только – бросил Усманов, будет справедливо если мы все сделаем вместе – твои люди и мои люди. Есть тебя такие, кто за командир не других – себя не пожалеют?..

Лена с детства обладала тонким слухом – пожалуй, единственное наследство, которое оставила ей мать. И поэтому когда она обратила внимание на группу полицейских и десантников, которую о чем – то инструктировал тот самый майор, поводя головой в их сторону, то прислушавшись, различила произносимые им команды. И толком не осознав даже их смысла – поняла – что они означают.

Мобильники и побрякушки можете забрать – только симки вытащите и поломайте. А лучше – сожгите.

Машину отгоните подальше и бросьте. Вот ее сжигать не надо – сгоревшее авто привлекает внимание, а так – мало ли кто и зачем машину поставил.

– Командир, – гортанно прогундосил кто-то. А скажи – тут девки же – можно их...

– Можно, – бросил первый голос. Нэ дурак – сам хотел сказать.

– Командир, – пророкотал чей-то голос. – А скажи – девки

как? С ними можно, чи ни?..

– Можно, – бросил майор. – Трепак подхватить не боишься – можно...

И решение пришло мгновенно.

С самого начала их «плена», сметливая девушка прикидывала возможные пути бегства. Так, на всякий случай. Судьба ей благоприятствовала – шоссе обрывалось шагах в пяти от того места где их держали под прицелом автоматов крутым откосом, а дальше – густой заснеженный лес. Правда, до него метров пятьдесят открытого пространства, но бегают она быстро, а вокруг – темнота. Пока подкатят машину, пока направят вниз свет – вполне можно успеть добежать до леса. Да, конечно шанс не велик, но он есть...

Мысль предупредить остальных ребят она оставила сразу – как ни жаль, а каждый здесь – сам за себя. Хотя, начни они разбегаться все разом, было бы больше шансов... Конечно, убегать от здоровенных ментов еще то удовольствие, но все же она – кандидат в мастера спорта по легкой атлетике и первый разряд в спортивной гимнастике добыла не в постели у тренера. А тяжелые мужики в «доспехах» скорее увязнут в снегу, чем она. Счастье, что на ней сапоги на низком каблуке и легкая шубка... Кстати, белая – меньше различима на снегу.

Ну, на счет «пять»... Раз... И не бояться – терять ей нечего, да и тянуть дальше смысла нет: вот-вот ноги затекут настолько, что без разминки и шагу не сделаешь... Два... Ой,

страшно-то как!.. Три... Господи, если ты есть – спаси рабу твою грешную, Елену... Четыре...

Пошла-а-а!!!

Караульные успели лишь вскинуться, когда легкая фигурка, будто подброшенная в воздух пружиной, взвилась с дороги и шмыгнула. Никто даже не кинулся наперерез – краем глаза Лена различила, как один из конвоиров пытается сорвать с плеча автомат, но ремень там, слава Богу, за что-то зацепился. А остальные вообще застыли, разинув рты. Боже мой – неужто удастся? Автомат – ерунда. Она не раз читала, что попасть из него, да еще в спешке, не так-то и просто, а малейшее отклонение ствола от цели...

Она вскочила на ограждение шоссе и...

Страшный удар в спину оборвал так и не законченную мысль, крутнул Лену на месте и сбросил вниз. Катясь кубарем под откос в облаке снежной пыли, она уже не чувствовала ничего, лишь в стремительно темнеющем сознании почему-то крутилось одно и то же: «Мама... мама... мама...» А потом мир вдруг ослепительно вспыхнул и погас окончательно.

Прапорщик Арджанов опустил ПМС и скупно ухмыльнулся углом рта. Великолепный стрелок, не раз бравший для родного управления призы в состязаниях по стрельбе, он даже не думал, что мог промахнуться. Он просто делал свое дело и делал его хорошо...

После минутной тишины, следовавшей за выстрелом,

истерично вскрикнула Элеонора, завизжала от ужаса, закрыв лицо руками Нина – дочка водочного магната Вановского... Она втайне недолюбливала «эту выскочку» Горелову и не понимала зачем Элька таскает нищую девку на их тусовки, но теперь даже она поняла, что перед ликом Костлявой они все равны – и детки богатеев, и выходцы из низов.

– Ну и зачем, Махмуд? – с некоторым сожалением спросил прапорщика майор. – Что нам теперь делать с этой дохлой девкой? Да и ребятам вниз лезть – проверять.

– Зачем проверять, – белозубо улыбнулся стрелок. – Разве Арджанов хоть когда-нибудь мазал?

И тем не менее, майор приказал Торопцеву послать вниз двоих своих солдат, чтобы те проверили – не нужно ли добавить девчонке. Пулю в голову, естественно. Послал бы своих, да вот еще – по сугробам лазать... Пусть уж «сапоги» тоже хоть что-нибудь сделают... А для присмотра послал с ними и одного из своих людей. Вдруг да она жива, а у срочников дрогнет сердце добивать бабу? В конце концов было бы ненужной жестокостью бросать ее тут умирать в мучениях от раны... Чертыхаясь, спустились все трое по крутому откосу насыпи, увязая в снегу, где по колено, а где – по пояс.

– Чего там?

– Да, наповал, – плачущим голосом откликнулся снизу один из мальчишек, к раскинувшейся крестом в снегу девушке даже не прикоснувшись. – Мертвая она, – иллюстрируя свои слова, солдатик потыкал лежащую стволом автома-

та, держа его на вытянутых руках, как палку. Второй вообще, согнувшись в три погибели, блевал в снег, уронив каску на глаза и раскачиваясь. – Чего проверять-то?

Солдату действительно было все ясно: на белой шубке убитой расплывалось черное пятно...

– А ну – переверни!

Солдат пыхтя и ойкая, повиновался. Легкое тело перевернулось в снегу навзничь, голова на тонкой безвольной шее запрокинулась... Спереди мех тоже заливали потеки, словно кто-то облил шубку чернилами.

– Навылет прошла, – констатировал полицейский. Махмуд бывший чемпион по стрельбе из произвольного пистолета, – пояснил он. Тысячу из тысячи очков выбил. Он правда не стал уточнять что это было в далеком уже 1999 году на кубке имени Дудаева в независимой Ичкерии.

Старший из десантников подумал, что не будь этих дырок и крови – так б можно было стянуть с дохлячки шубку, которую потом обменять у кого-то из знакомых девок на пару ночей любви.

Ладно пошли – вытаскивать ее отсюда времени нет да и сложно, – бросил омоновец, цокнув языком. Ночью снег обещали – засыплет так что и видно не будет. Потом приедем, приберем. Забрав сумочку, он надвинул на лицо жертвы стрелка экстра класса шапочку, после чего все трое полезли на верх. Это было непросто – дважды они чуть не срывались на полпути, а один раз проехали склон почти сверху донизу.

Кто-то из «ментов», сжалившись, протянул им автомат, уцепившись за который, они поочередно выбрались на дорогу.

А тем временем наверху истекли последние минуты жизни Лениных товарищей...

Первым умер Станислав – к нему сзади неторопливо подошел один из полицейских – уже сильно немолодой, седой как лунь, с лицом, изуродованным старым осколочным шрамом. Сдернул резким движением модную кепку, и коротко хакнув, с силой обрушил на темя приклад АКМС. С пробитым черепом единственный сын хозяйки модных бутиков «Весна-М», вырастившей его без мужа – погибшего в афганских горах в день его рождения летчика, рухнул на асфальт ничком.

Следующим был Антон Неверов – но назначенный ему в киллеры десантник не имел такого навыка в убийствах, и некоторое время беспомощно топтался рядом, то примеривая приклад к затылку что-то бормочущего о пощаде парня, то кладя руку на висевший на поясе штык-нож.

– Памоч, сынок? – недобро осклабился чеченец, обтирая приклад кепкой.

И тогда, торопливо помотав головой, ефрейтор Добрынин выдернул клинок из ножен, и перерезал горло жертве, замаравшись слегка в крови.

– Пссщц, – передернул омоновец плечами, – и было непонятно, одобряет ли он такую лихость, или напротив – недо-

волен нечисто сделанной работой.

Оставался последний – Андрей, хозяин злосчастного лескуса, полумертвый от страха.

Но доставшийся в палачи Антону младший сержант-контрактник, тоже никак не мог *исполнить дело*. Заносил над помертвевшим парнем приклад и снова бессильно опускал. Мужик за тридцать успел повоевать на Кавказе, но убивать вот так, безоружных, ему еще не приходилось.

– Товарищ лейтенант! – отчаянно обернулся он к командиру. – Может, ну его! Кому он разболтает?

– Да, да! – зачастил Антон, ухватившись за спасительную соломинку, как утопающий. – Я никому ничего не скажу. Я вообще ничего не видел!..

– Слюнтяй!.. – с отвращением бросил майор и непонятно было, к кому это относилось: к неумелому палачу или к трясущейся от смертного ужаса жертве. – Помоги ему! – толкнул он в спину Аржанова.

Тот все так же равнодушно ухмыльнулся, подошел к стоящему на коленях парню и, мимоходом отпихнув плечом контрактника, нагнулся к жертве, покровительственно потрепав ее по залитой слезами щеке.

– Ничего не умеете, – процедил он с акцентом. – Только по домам шарить, да баб е...

Он обошел трясущегося в рыданиях парня, ласково положил ему руку на голову, потрепав по коротким волосам, как собаку по холке. Считавшему себя спасенным Антону и

невдомек было, что свободной правой рукой, горец вынул из ножен тускло отсвечивающий в ночном свете нож...

Не верил в близкую смерть он даже тогда, когда холодное лезвие бережно коснулось горла. Слишком уж теплой и твердой была рука, лежащая на макушке. Совсем как отцовская в детстве...

И нож – настоящий непальский «кукри» неизвестными – и наверно несправедливыми – путями попавший на пояс бывшего боевика и в самом деле вновь скользнул в ножны.

Рывок, хруст, тьма в остановившихся голубых глазах...
Полицейский лениво отпихнул труп со свернутой шеей.

– Вот как нужно, «сапог», – презрительно бросил он, отталкивая недвижимое тело. – Это ж человек, а не баран...

А потом вразвалку пошел к плачущим навзрыд девушкам.

– Поживешь еще, – с издевательской ухмылкой бросил омоновец, за волосы поднимая на ноги Нину – блондиночки всегда нравились ему больше брюнеток, даже явно крашенные.

А к ним уже спешило полдюжины бородатых, похотывающих бойцов...

Элеонора почти не понимала о чем идет речь, и даже не боялась – на это не хватало сил. Дикая боль внизу живота перекрывала все. «Сволочи, сволочи, сволочи...» – твердила она про себя, вспоминая Лену, безжизненно падающую в черную пропасть.

Черт, как жалко ребят... И Ленку жалко – убили как со-

баку... И зачем она потащила ее на этот проклятый Новый Год?.. Ничего: только бы ее саму не убили. А там – что бы не было. Отмоемся, отплюемся, вылечимся, если что – видывали и не такое... Только бы выжить и тогда ублюдки ответят и за Ленку, и за Борьку, и за эту ее боль... За все... Только выжить. Выжить любой ценой...

Чьи-то бесцеремонные руки в холодных перчатках схватили ее за воротник шиншилового свингера и поволокли куда-то по скользкому асфальту...

И лишь когда уже в кунге с нее сорвали дорогое платье, разодрав грубыми руками тысячедолларовый шелк, когда совсем близко она увидела обычные человеческие лица, казавшиеся ей отвратительнее звериных оскалов, не злые даже, а просто довольные, лишь тогда сквозь боль и ужас поняла Элеонора Львовна Климова, что значат выражения: «Пожалеть, что родился на свет», и «завидовать мертвому». Потому что минуту спустя завидовала всеми силами убитой подруге Лене Гореловой, которой уже все равно теперь, и которая ничего уже не увидит из того, что еще предстоит увидеть и пережить перед неизбежной смертью ее подругам...

И в самом деле Лена была счастливее: она уже не видела, как один из убийц пытается снегом оттереть окровавленные руки и лицо. Как другие, весело хохоча сдирают с мертвых скрюченных пальцев Антона и Бориса дорогие перстни и потрошат подобранный на полу автомобиля чей-то бумажник, шарят по карманам трупов...

Как младший лейтенант в сизом камуфляже, отходивший «до ветру» и не участвовавший в «деле», потребовал разделить добычу «по-братски», и убийцы устроили тут же, прямо над еще неостывшими телами своих жертв склоку с матерной бранью, едва не переросшую в мордобой.

Как разгар ее из под сидения выскочила собачка Нины, напуганная всем случившимся до полной потери своего собачьего рассудка и помчалась прочь. Как головорезы с хохотом кинулись ее ловить, и бегали как дети, пока здоровяк Акбар Тахиров, устав от всего этого цирка, не раздавил крошечного той-терьера сапожищем.

Как ограбленные трупы отволокли к кювету и небрежно побросали вниз, прямо на нее, а после – принялись отмечать конец грязной работы дорогим шампанским и ликером, найденными в салоне и сетовать, что другие развлекаются с девками, а у них всего одна – и та мертвая. После этого несколько омоновцев сели в машину, но двигатель не запустился. Они не знали, что рачительный Торопцев – старший установил в купленном сыну «лексусе» дополнительную систему защиты, электронный ключ от которой лежал у убитого хозяина в кармане брюк.

Как наконец, бранясь и проклиная все на чем свет стоит, зацепили мертвую машину буксировочным тросом, и БРДМ потащил ее прочь.

И подавно не видела то, от чего сберегла ее судьба: то, как натешившиеся «счастливики» подтаскивали к откосу нагие

окровавленные тела ее подруг, как один из них сунул себе в карман дорогие часы марки «Fendi» – подарок Нине Вановской на день рождения от ее матери. Часы, которые только что сорвал с руки не вынесшей надругательств девушки, в то время, как его спутник украдкой прикидывал – куда сунуть утаенный при дележке добычи от других убийц кулон, который, наконец, не мудрствуя лукаво повесил себе на шею.

От всего этого уберегла Лену Горелову милосердная пуля прапорщика Махмуда Арджанова.

* * *

Редко когда в истории войн и революций известны первые павшие в очередной кровавой заварухе во имя идей, власти и богатства. Но всегда, в любой войне есть те, кто погибает первыми. На этот раз первыми жертвами стала компания ничего не подозревающих и ни о чем серьезно не думавших молодых людей из числа «золотой молодежи».

С точки зрения морали высокой можно сказать, что они заплатили за грехи отцов. С точки зрения морали обычной – что они заплатили за чужие грехи.

С точки зрения криминалистики – стали жертвами неадекватного поведения одного из своих спутников и столь же неадекватной реакции старшего лейтенанта Торопцева.

С точки зрения истории – они просто оказались в не в том месте и не в то время – как это сплошь и рядом бывает.

Но как знать – возможно, именно их смерть оказалась тем камешком, что и стронул лавину, которой было суждено погрести под собой многих и многих через считанные часы. Как знать... Может быть, людям лучше не знать ответа вообще?

ИЗ СВЕТСКОЙ ХРОНИКИ СТОЛИЧНЫХ СМИ

* * *

Производство часов из залюма (уникальный сплав на основе циркония) стало отличительной чертой элитной часовой марки Harry Winston, обычно создающей модели из драгоценных металлов. Несмотря на отсутствие золота и платины, часы из залюма пользуются огромной популярностью благодаря оригинальному дизайну и достоинствам самого металла. Часы Ocean Lady Z – новинка, выпущенная ограниченным тиражом

* * *

Финансовые неурядицы принесли в Москву волну распродаж, удивляющих даже выдавших виды шопоголиков. Не стали исключением и

некоторые ювелирные бутики: их посещение манит соблазнительной и редкой возможностью приобрести роскошные украшения со скидкой

* * *

Свежий морозный воздух слегка разогнал хмель из его головы...

Да, а завтра ему между прочим передачу делать по котировкам для «Дело-ТВ2». Съёмки будут похоже, еще те... Заикалась свинья навоз не жрать: дорвалась – нажралась...»

Взор его уперся в витрину шикарного магазина. В ней была выставлена коллекция новогодних масок – причем преобладали не зайчики и белочки, а какие-то жуткие монстры – на вид представители семейства пресловутого Ктулху – того что боролся с не менее пресловутым «Медведем» в популярной в последние месяцы игре для мобильных телефонов. Тут же висели наряды, но не те что носил привычный Дед Мороз, а скорее западный Санта-Клаус. Борисову остроконечные красные колпаки напомнили вдруг кукуксклановские балахоны из старых фильмов, и он подумал что и Санта-Клаус звучит дико не по-русски – именно что как кукукск-клан какой-то.

Маски монстров за стеклом, выстроившись в подобие дьявольского иконостаса, казалось злорадно усмехались, выпятив на Влада бельма глазниц, и тот отвернулся, посмотрев на

выглядывающую из за крыш церковь Симеона Столпника.

И Влад, в очередной раз, поразился, насколько не к месту здесь, среди стекла, бетона и асфальта, этот кусочек старой Москвы. Очень старой Москвы. Той, в которой не было ни казино, ни телевидения, ни наркотиков, ни ОМОНа, ни митингов с распилом и откатом, ни... Парень внезапно почувствовал желание рухнуть на колени и так, по грязной снежной каше, ползти, ползти и ползти, бормоча слова молитв, которых никогда не знал, пока не уткнется лбом в беленые кирпичные стены...

– Ты что, уснул? – кто-то врезался в него сзади. Ходят тут пьяные...

Придя в себя, Влад через переулок он вышел на параллельную улицу, увидел поток людей, быстро двигавшихся в одном направлении. Он понял – это люди идущие на «Московский Майданчик» – будь он не ладен.

Два семисотых «мерседеса» пронесли мимо – видимо босс и охрана с холуями. Влад вспомнил пресс-конференцию московского градоначальника по случаю визита мэра Лос Анжелоса, который с гордостью сообщил, что на улицах столицы сегодня раскатывают больше люксовых автомобилей, чем в Лос-Анджелесе. На что американский коллега заметил, что в Америке покупатели приобретают и меняют машины, а в Москве по го данным машинам приходится менять хозяев, поскольку таковые время от времени разоряются, а то и отстреливаются. Бандиты кстати и впрямь активизи-

зировались.

Кризис-шмизис...

Мысли его приобрели совсем другое течение – деловое.

Хотя они уже привыкли к кризису – но он от этого не стал менее острым. Ведь и в самом деле что-то копилось и нарастало в этом мире, чтобы неизбежно прорваться. Хотя пока в стране и мире все было относительно спокойно. Никаких терактов и катастроф в границах Росфедерации последние полтора месяца – не считая привычной стрельбы и митингов на Юге. В мире конечно не так хорошо... Локальные войны, интервенции, социальные и гуманитарные катастрофы – все как всегда. Но все это было где-то далеко – Сахель, Чёрная Африка, Афганистан, Ближний Восток... И Ливия само собой, новости откуда пугают народ и радуют российских нефтетрейдеров. Когда на рейде Сирта спалили тот танкер – столетничник фьючерсы так скакнули что на бирже только что не перепились от радости. Да еще две недели тому новое мощнейшее землетрясение в Индийском океане(определенно не все ладно с этими вулканами) вызвало новое цунами, обрушившееся на Таиланд и Индонезию. Опять тысячи туристов решивших пока что кризис не слоупал их финансы, со вкусом оттянуться, нашли свой конец в волнах взбесившегося океана. На Европу обрушились снега и холода. Замерзли Марсель, Берлин и Неаполь, снег выпал даже в Тунисе. В очередной раз прорицатели с мистиками заговорили что миру пора бы задуматься, над этими знаменьями. Но мир предпочитал

жить как жил.

Впрочем, России было не до внешних бед и неурядиц. Мировой кризис, не срываясь во всеобщий обвал, и не излечиваясь, подтачивал седьмую часть мира (да и неё одну) как чахотка или СПИД подтачивают организм – медленно, но верно.

Внешние изменения были конечно заметны: новые большие красивые магазины, рестораны бутики и развлекательные комплексы закрывались, останавливались стройки элитного жилья – иногда забывая голодных гастарбайтеров прямо на стройплощадках. Грабительский процент по кредиту, сдерживал покупательский пыл. Количество таксистов – «бомбил» возросло – как и их расценки.

Скрытая инфляция, о которой власти предпочитали не говорить, превышала даже те жалкие прибавки к зарплатам и пособиям, которые, скрипя зубами, отстёгивало правительство. Цены за квартплату, коммунальные услуги, свет, телефон постоянно росли, ложась тяжким бременем на плечи «дорогих россиян».

Да – конечно, все это не шло ни в какое сравнение с кошмаром имевшим место еще два десятка лет назад. Однако видимо народ – столичный по крайности – попривыкший к фуагре и «прадо» был в изрядном большинстве не склонен терпеть – да и видимо дураков, млеющих от слова «демократия» или просто надеющихся что сменившаяся власть будет лучше прежней, было еще много. Вот ведь – казалось бы уже

должны понять – на себе все проходили – так нет же! История никого ничему не учит – даже своя собственная.

Уже через несколько минут толпа втянула Влада в себя, он растерянно оглядывался, будто разыскивая знакомых.

Людей собралось много – очень много. Десять двадцать или тридцать тысяч – если не больше.

С невеселой усмешкой Влад вспомнил месячной давности решение шефа его холдинга – сократить вдвое отдел политической аналитики.

Впрочем – тогда он был с ним вполне согласен.

Как он думал еще совсем недавно – политика в России закончилась. Все будет как сложилось, плохо ли или хорошо. А сложилось именно как сложилось, уж ничего тут не поделать – и теперь так будет очень и очень долго.

И вот... Как оказалось очередной конец истории сменился перезагрузкой, за которой как мрачно – с типичным юмором висельника шутили знакомые его родителей – последует новая перестройка и новая перестрелка.

В течение всей осени политики с ужасом наблюдали за тем, как власть медленно, но верно уплывает у них из рук. Почти открыто Сарафонов и его люди сформировали коалицию, потом добились увольнения нескольких неугодных министров. А сейчас пошли дальше – вербуют в свои ряды депутатов из других фракций, не скрывая конечной цели: создать «конституционное большинство» – и тогда уж взяться за власть всерьез.

Президент перестал быть неприкосновенной фигурой в общественном сознании – собственно это случилось уже давно, но если Ельцына – особенно под конец, тихо ненавидели, а двух последующих уважали или опасались, то к нынешнему хозяину Кремля относились как к непонятному недоразумению. И в самом деле – получивший власть на досрочных выборах рядовой чиновник, бывший премьер за полгода до того выскочивший на второй в государстве пост, воистину как чертик из табакерки.

Пока что ничего катастрофического не происходило, но – Влад сам чувствовал это – ситуация в стране могла измениться в одночасье. Тогда все полетит в тартарары, уже в который раз за последние десятилетия. Вопрос только в том: когда?

Он оказался в самом центре площади.

Народ тут подобрался самый разнообразный – и судя по всему люди в массе зажиточные, тот самый средний – он же «креативный» класс ака офисный планктон – Влад сам к нему принадлежал – пусть и к самым верхним слоям. Публики впрочем хватало всякой – были и лица интеллектом не обезображенные, и даже жители юга. Между группками демонстрантов сновали члены Молодежной Лиги «Независимого гражданского единства России» – парни и девушки в накидках цветов партии – как их уже окрестила желтая пресса «НЕГРитята». Их было довольно много – даже удивительно – с чего это столько молодых из поколения NEXT, хипстеров, фанатов компьютерных «игрушек» и попсы повалило в

эту команду? По приколу – как сказал один из них в интервью? В Интернете ходили, впрочем, разговоры что на своих сборищах они невозбранно употребляют «кислоту» и развлекаются сношаясь друг с другом как кролики – не стесняясь и даже невзирая на пол: кое-кто вообще именовал Лигу пристанищем секс-меньшинств (одним из лозунгов НЕГРа была борьба с гомофобией).

Была тут и другая молодежь – какие-то байкеры в кожанках чуть не на голое тело, парни и девушки в черном с белыми лицами и крашенными волосами – не то готы не то эмо, и даже анархисты: этих выдавали портреты Че Гевары и батьки Махно. Последние собирались под однотипными рисованными плакатами. Сверху скромная надпись: «Все на борьбу со «свиным гриппом-II» а ниже – фотоколлаж с какого-то официального мероприятия где у участников головы были заменены свиными мордами.

Под изображением красовался зловеще-двусмысленный лозунг: «Убьем всех свиней!»

Были и типы с, польскими и грузинскими национальными флагами – по большей части «москвачи» как мог бы понять из их вида Влад. Все эти «ягрузины» и «яэстонцы» – а с недавнего времени – и «яполяки»

– Прошем пана, – вежливо пропустил его человек средних лет. А вот и настоящий поляк.

– Приехали учить нас демократии? – внезапно со злой иронией бросил Влад, ощутив себя веселым и трезвым.

– Цо то пан говорит? – осведомился представитель западных славян.

– «Цо» и говорит – сперва разберитесь со своими выборами – а то враз учить! Трижды голоса пересчитывали! Пересчитывали-пересчитывали да неперепересчитывали! – Влад как раз в прошлом месяце работал на российско-польском деловом саммите где набрался и польских словечек и информации о тамошней ситуации – братский народ по политическими вопросам скандалил вполне по шляхетски. Как угрозило угробится ихнего президента на несчастливой для поляков Смоленщине – так и потряхивает периодически.

– А, пан шутит! – как то натянуто усмехнулся поляк. Мы розумеем – и над демокрацией можно шутить – тому она и йе демокрация! «Шучу? – хихикнул про себя Вадим. Нет – еще не шучу – сейчас пошучу!»

– А знаете пан – почему у вас на прошлых выборах не выдвинули единого демократического кандидата в президенты? – вспомнил он вычитанный в Сети юмор. Европа уперась – требовала чтобы кандида всенепременно был «голубым». Ибо это гарантирует его приверженность западным ценностям. Но скажу по секрету – это не правильно, – многозначительно понизил голос Влад. Нужен гетеросексуальный борец за права гомиков! Ибо бороться за права пидарасов не будучи пидарасом в прямом смысле это слова – это поистине настоящий гражданский подвиг!

И рассмеявшись в лицо ошеломленному европейцу, дви-

нулся прочь.

И рассмеявшись в лицо ошеломленному гостю столицы, двинулся прочь в сторону трибуны.

Тут все пространство было оккупировано радикальными демократами – в фургончиках вокруг огромного помоста разместились «полевые штабы» и «полевые директораты» разных воспрявших – а недавно вроде совсем усохших партий и партиек – ассоциированных членов этого самого пресловутого «Независимого гражданского Единства».

Отойдя на пару десятков шагов, Влад принялся изучать плакаты. То были не обычные самоделки – нет – настоящие фабричные баннеры висевшие на расчалках между вагончиками.

«Россия без Кавказа!», «Россия для граждан!», «Долой диктатуру бюрократии!», «Свободу российским регионам от бездарного, хищного центра!», «Москва – не Кремль. Свободу Москве!»; «Свободу политзаключенным!»; «Кабаров – убийца и палач России!».

Венчал весь этот набор лозунг «Россия без гэбни!».

И именно этот лозунг сейчас обсуждал какой-то лысый бородатый коротышка. Ведущий митинга – Владу так и хотелось назвать его ди-джеем даже сообщил его имя – не то Широкозадов не то Широпаршивов – оно ничего не говорило журналисту.

– Господа! – пафосно взвыл он. Я вижу среди плакатов понятный и в чем-то близкий мне лозунг «Россия без гэб-

ни». Но это глубокая ошибка! Мол, не будет этой самой пресловутой гэбни – и Россия станет «другой». Чушь! Гэбня имманентно присуща *так называемой* России по определению. Не будет этой гэбни и опричнины – будут другие. Россия – это если угодно страна вечной, метаисторической гэбни-опричнины и вечной тирании. Она постоянно, на протяжении столетий, клонирует их в силу своей имперско-бюрократической матрицы, которая есть неизменяемая природная данность. Чтобы не было тирании, мало «другой» России.

Просто потому, что «другая» Россия невозможна. Всякая «другая» Россия с неотвратимостью выдаст очередного опричника с азиатским оскалом. Нужна другая страна на месте России, причем не обязательно в ее размерах. Не отягощенная имперской кармой. Европейская и свободная.

Он говорил еще пару минут, а потом уступил место другому – на этот раз старорежимного вида профессору чего-то там преподающему в Дипакадемии, – как представил его распорядитель.

Он тоже начал дежурные камлания насчет ущемления «прав человека» и Влад вспомнил не совсем понятную отцовскую шутку – «И мы знаем этого человека!»

– Наша власть оправдывает это тем что ограничение прав и свобод нужно для укрепления державы и обеспечение независимого существования страны и народа!

Чушь собачья! «Независимое существование народа» –

фантом, пустая идеология, которой прикрываются политики в своих интересах. Если по большому счёту – все народы не вечны и «народ» не является для конкретного смертного человека ценностью, а если по малому – какой смысл в независимом существовании народа, если при этом миллионы этого самого народа страдают и гибнут.

Россия – это не территория! – взвыл профессор. При Ярославе Мудром, Петре Первом, Александре Третьем и Путине границы были ой какими разными. Сколько раз территория эта менялась и сколько раз ещё изменится! История не подчиняется заклинаниям гэбэшников. Ничего в мире не живёт вечно – всё когда-то рождается и когда-то умирает. Но суть каждой культуры страны, народа – это тот урок, который она оставляет миру, человечеству. Кто формулирует этот урок? Достоевский, Толстой, Астафьев... Я хочу сказать нашим официальным публицистам – как вы примитивны с вашим Сталиным и Иваном Грозным. Вы не способны взглянуть на историю России в общечеловеческом масштабе, а значит не понимаете, что такое Россия.

Да я – и думаю большинство собравшихся тут уверены что русским будет только лучше без Чечни, без Дагестана. А когда слышу чушь про НАШ Кавказ, то сразу думаю – а что там моего или нашего? Типичный пример мелко-совкового мышления, мозги начисто промытые пропагандой!

За «профессором» у микрофона оказался противоположный по имиджу деятель – оплывший, грузный, дорого и без

особого вкуса одетый с квадратной мордой владельца аво-сервиса или рыночного павильона. Как его представил «ди-джей» Влад не расслышал – Антон Батькович какой-то там имярек, сопредседатель ассоциации какого-то там бизнеса.

– Почему мы идем во власть? – солидным басом спросил он сам себя. И тут же ответил.

– Потому что хотим изменить Россию и её народ! Важно заставить его понять – халява кончилась, и не ожидание хорошей жизни на государственные бабки, а повседневный труд каждого и ответственность за свою судьбу – вот что нужно русским. Но кто им хочет объяснить? И они сами этого не хотят: лучше выпить «поллитру» и под забором лежат, чем самому пробовать добыть пропитание. И мы намерены проводить такой курс чтобы это стало невозможным – кру-тишься или извиняюсь – тонешь с концами. Посмотрите ка-кие результаты дала экономическая свобода! Вообще я не понимаю – чем недовольна наша так называемая красная оп-позиция! Россияне питаются сегодня хорошо несмотря на кризис. Магазины полны. Колбасы всякой навалом. Сладко-го-мучного также. Так чего они бормочут про то, что сель-ское хозяйство в кризисе??

Но и его сменил новый оратор – старый сгорбленный низ-корослый мелкий старый мужчина с аскетичным костлявым лицом с какими-то обезьянными чертами. Кажется Влад да-же его видел на каком-то ток-шоу – то ли известный в про-шлом поэт, то ли писатель: ныне нищеврод которого не из-

дают – на что он и жаловался в прямом эфире.

Он что-то забубнил в микрофон – а может аппаратура дала сбой...

...Если превысит количество такой нечисти в России критическую массу последствию будут самые тяжелые, – прорвался в воздухе над толпой его каркающий крик. Они уже покушаются на память Сахарова и Солженицына! Одна из самых кровавых за всю историю спецслужба КГБ сейчас реабилитируется, а боровшиеся с безбожным коммунизмом диссиденты-одиночки объявляются «одиозными». Вся эта проплаченная кодла нового агитпропа... на лучших людей России! – голос его сорвался на фальцет. На фоне этих масштабных личностей все их коветники являются просто червями копошасьимися в навозной жиже под ногами исполинов свободы и правды! – верещал поэт, видимо посещенный своей безумной старой музой. Дальнейшее слилось в какое-то писклявое козлиное бляенье. «Оно» трясло на трибуне маленькой головой, корчило рожи на своей обезьяньей мордочке, махало тщедушными лапками: «Фашизм! Диктатур-ра! П-рр-овокация!»

«Шиза какая-то!» – передернул Вадим плечами.

Старого козла сменила упитанная холеная тетка. Черт – да это ж сама Ватабасина!

Над площадью громом прокатилось «Ура!», возгласы слились в общий гул, какой-то мужик обнял пьяненькую девицу в дубленке, потом парня рядом; пожилая женщина широко

крестилась: «Слава тебе, Господи, слава тебе, Господи!».

Сосредоточив на ней взгляд Влад вдруг в подробностях разглядел её бледное лицо без косметики, вялую кожу, обветренные губы – должно быть стояла долго на морозе, её пальтишко – старое, еще как бы не советских былинных времен, нелепую шапочку свалывшегося меха – что называется из «искусственной чебурашки», тяжелую оправу дешевеньких очков...

В руках она сжимала небольшой радужный флажок этого самого НЕГра...

Непонимание с неожиданным презрением пополам всплыло в душе Влада.

Зачем она здесь? Что этой нищей неудачнице нужно? Зачем ей бороться за победу Сарафоновы с его шикарным лимузином и дачей в пять этажей в Курашвеле, хозяйки сети элитных ресторанов Ватабасиной, или удачливого биржевого игрока Кобелинского, про которого было достоверно известно что он не без выгоды использует для этого дела партийную кассу? Или она еще и одинокая старая дева – и нет у неё ни детей ни внуков ни кота (нечем кормить) – вот и толчется по привычке безумной перестроечной молодости на демтусовке.

Он огляделся – и встревожился. Нет – скорее удивился. Ни разу пожалуй за свои двадцать девять лет он не видел таких людей наяву. Это казалось ожившей телехроникой проклятых и безумных 90х, о которых даже его солидные бога-

тые и циничные шефы вспоминали с жутью в голосе. Перед ним была толпа, совершенно потерявшая подобие человеческого облика. Влад изумлённо смотрел на чёрные кричащие рты, на поднятые кулаки, на безумные глаза – и не знал, что ему делать.

Он – полностью современный молодой человек, человек деловой, живший в предельно конкретном и рациональном мире фьючерсов, дисконтов, маржи и кредитных рейтингов почувал себя на миг словно среди сбежавших из психбольницы пациентов. Да – вдруг посетила его спасительная мысль – сюда видать собрались всякие московские психи...

И в самом деле – митинг постепенно переходил в какое – то безумное действо. Вон, под штандартами Легитимистско-Монархического Союза и портретом какого-то очкастого лысого уroda в непонятной форме (Влад не знал что это не кто иной как генерал Власов) что то вещал интеллигентного вида, пожилой тощий человек, с аккуратной бородкой а-ля Николай II, показавшийся Владу весьма противным. Вот в окружении верных паладинов несла свою бочкообразную тушу Древнехатская. И нелепо смотрелся на фоне ее громадных очков и толстых неуклюжих рук «Узи», болтавшийся на плече – игрушка конечно – она любила позировать с игрушечным оружием заявляя что готова впрочем в любой момент взять в руки и боевое.

Дружно вскидывая кулаки орала, непонятно что делавшая тут команда болельщиков «Динамо»

– «Бюрократия – параша! Победа будет наша! – Бюрократия – параша! Победа будет наша! «Терек» – параша! Победа будет наша!»

Люди вообще словно рехнулись, потрясая кулаками, стараясь перекричать друг друга, не слушая и не желая слушать никого.

Придя в себя он начал бочком, бочком выбираться из толпы, огибая то патлатую юную «негритянку» в распахнутой шубейке под которой – стандартная кофта с голой полоской живота сидевшую на плечах здорового быкомордого парня, то истерично повизгивающий студентов, то какого-то типа в зелёной рясе и с бородой как метла, монотонно гугнившего «анафема-анафема-анафема» – из «диомидовского раскола» не иначе...

Он вознамерился покинуть площадь, но чертыхнулся – путь оказался закрыт.

Мост, ведущий на Васильевский спуск, был перегорожен двумя рядами барьерных блоков, а между ними выстроилось оцепление. Движение было полностью остановлено.

Красная площадь была закрыта, на всех подходах и подъездах стояли омовцы. Сейчас как раз пребывало подкрепление – грузовики подъехали прямо к ограждению, выпрыгивали стражи порядка в новенькой чешуйчатой «полицейской» броне (еще одно свежее нововведение) из зелёно-жёлтого пластика. За ними уже выстраивался второй ряд – уже обычных дубинников.

Вот черт, придется возвращаться тем же путем, к машине. Он обернулся – с толпой что-то произошло – она роилась, гудела, кричала, горланя призывы и лозунги, размахивая флагами и транспарантами и подбрасывая в воздух не то шапки, не то лифчики.

– Да нет – в самом деле они с ума все что ли походили? – промелькнуло у Влада. Это же безумие какое-то... Точно – сплошная шиза!

Но это было еще не безумие – оно началось потом... И истекали последние минуты перед его пришествием...

Двигались колонны войск передовые дозоры которых уже вошедших в город, занимали места боевые группы, а на западе столицы уже вот-вот должен был придти в действие главный спусковой механизм предстоящего... И остановить все это могло лишь чудо...

* * *

Из глянцевого журнала

*Лучшие горнолыжные курорты для лентяев...
Правильные люди занимаются спортом. А самый популярный вид спорта зимой – лыжи. При этом полезное всегда можно совместить с приятным, ведь спорт – это еще и хороший повод встретиться*

с друзьями. И даже если некоторые из них пока отказываются разделять с нами хобби, взять их собой все-таки стоит: на горнолыжном курорте не будет скучно даже нелыжникам.

** * **

Ведущий производитель мобильных телефонов класса люкс Vertu объявляет о начале продаж в России трех новых моделей, созданных совместно с легендарным итальянским автопроизводителем Ferrari. Благодаря тесному сотрудничеству компании Vertu и команды дизайнеров Ferrari, материалы и детали интерьера роскошных автомобилей использованы в моделях Vertu Ascent Ti

** * **

Из письма в Интернет-приемную Президента РФ.

«...Дорогой перзидент – желаю тебе чтоб ты жил так же хорошо, как и все мы...».

** * **

Президент России полуприкрыв глаза откинулся на заднем сидении элегантного чёрного мерседеса спецборки,

скользившего по шоссе. Он вспоминал последнее совещание правительства, а в голове вертелась какая-то чушь. Например – что надо дать распоряжение управделами – пусть наконец изготовят пресловутого «Царя» – русский представительский лимузин копирующий «Кадиллак Таун Кар», которым уже с год – еще с прежнего президента, занимался «Уралвагонзавод». Ибо не полагается главе вроде как великой державы кататься на иномарке. Хоть какой то сигнал обществу будет – насчет «положительных трансформаций» – как балаболил тот толстый корифей социологии, речи которого четвертый президент России как ни старался, понять толком не мог – несмотря на два высших образования, одно из которых как-никак, еще советское.

Да – этого типа – советника по социальным и межнациональным отношениям Кишкова он бы давно выгнал – если бы знал, кем заменить.

Хотя конечно куда больше его раздражал министр обороны. Он опять сегодня вылез со своими планами отмены еще оставшихся отсрочек от действительной службы, и частичного призыва резервистов – чтобы заткнуть хотя бы главные армейские дыры.

– Не валяйте дурака! – возвысил голос президент. – И так общество накалено этим кризисом. Почему в ФРГ служат девять месяцев и вот-вот переходят на контракт полностью, а вам не хватает года, господин Кызылов?

– У нашей страны имеется определенная специфика... –

проблеял министр.

– Вы не в прямом эфире, – процедил глава государства. Когда надо он умел быть твердым несмотря на всю интеллигентность. Давайте поконкретнее...

– Хорошо, хорошо – я не настаиваю, но только это повлечет определенные – и немалые затруднения... – как-то сразу стушевался «воевода»

– Вот и постарайтесь чтобы их не было – вы министр или не министр?

...Нет, Президент понимал в какой стране живет. Но надо же немного думать о последствиях. А может они и не хотят думать о последствиях? Да нет – скорее уж просто уже и не могут. Боятся.

«И я боюсь. У нас ведь Россия... Тут победитель всегда доедает побежденного. В Европе – только иногда. Но зато уж с хрустом и чавканьем. Как в ночь святого Варфоломея.»

Но в Европе до этого далеко... А вот Россию накрывает кризис. Экономический, социальный, политический. Экономика рухнет из-за мировой конъюнктуры, и с этим быстро не справиться, нужно время, нужна осознанная политика, нужна воля. Ничего этого нет – все рычаги управления государством от всепроникающей коррупции насквозь прожавели и при нажатии на них только скрипят, а то и отваливаются. Тупик, банкротство.

Странно вспомнить – но совсем еще недавно ему казалось что хотя ситуация и плоха, но не катастрофична. Конец Све-

та не случился, шарик продолжает вращаться, «флюксатор флюксирует», как говорят продвинутые политтехнологи...

Естественно, политическая ситуация не радовал – кризис потребления усилился, миллионы безработных, обстановка нестабильная, однако вертикаль власти вроде стоит, и пока что удаётся избегать массовых народных выступлений. И как будто только и остается что идти от выборов до выборов – ковылять потихонечку в надежде что кривая вывезет.

Ан не вывезет... Не вывезет!

Вопреки и его усилиям, и вроде как вектору политики, то, что можно было бы даже в таких условиях попытаться сделать для предотвращения национальной катастрофы, не делается, а делается прямо противоположное. Такое впечатление, что Господь Бог решил наказать возглавляемое им, российское чиновничество и, как всегда в подобных случаях, лишил его разума.

Есть древняя китайская мудрость: когда хватаешь кого-то за хвост, нужно знать, что находится на другом его конце. Он положим это понимает – но почему его окружение настолько глупо? Самые разумные идеи вдруг тонули в бюрократическом болоте или обрастали кучей поправок, превращавших их в свою противоположность. Ассигнования таяли разворовывались, превращались в ничто не давая и десятой доли ожидаемого результата.

Ловкие менеджеры и финансисты все ухитрились обращать в свою пользу – и даже не нарушая законов. Да что

там – недавно созданная финансовая разведка Центробанка и то не могла понять – как исчезают отпущенные на целевые программ деньги!

Он уже устал удивляться видя то как вместо того, чтобы сосредоточить еще остающиеся ресурсы на решении задач выживания в чрезвычайных кризисных условиях, на предотвращении голода и холода, бунтов и хаоса, правительство упорно держится за всякие амбициозные проекты рассчитанные на «потом», на «после кризиса», не желая понимать, что если они и дальше будут продолжать в таком же духе, то никакого «потом» вообще не будет... для нынешних министров уж точно. Как власть имущие устраивают споры из за предлагаемых им или его советниками – и даже своими собственными приближенными предложений по улучшению ситуации, как интригуют и тормозят их всеми силами – между прочим хотя идеи эти никому помешать не должны (Или наоборот – как раз кому-то они очень мешают, просто снаружи этого не видно?)

Вместо того, чтобы сделать хотя бы пару широких жестов в пользу народных масс – как предлагали самые умные из них, стадо начальников упорно провоцировало нарастание конфронтации с народом. Правительство продолжало дарить казенные деньги банкам якобы для кредитования реальной экономики, которого не происходило, потому что банкирам выгоднее спекулировать ими на валютном рынке. А сколько потребовалось сил и времени хотя бы на то чтобы

навести относительный порядок на транспорте – на одном лишь транспорте с его тарифами, буквально рвущими страну на части? И сделано то от силы половина того что задумано – а сколько шума и завываний насчет некомпетентного вмешательства в экономику и обнищания отрасли?

А между тем производство схлопывается, выбрасывая сотни тысяч человек на улицу. При этом правительство непрерывно требовало повысить тарифы на жизненно необходимые населению товары и услуги, требовало (у него – президента!) – именно так – требовало регулировать курс рубля, а то вдруг под предлогом защиты отечественного производителя вводило новые пошлины на импортное продовольствие провоцируя рост цен. (Спохватились – защищать отечественного сельхозпроизводителя – деревня уже наполовину вымерла!). Те несчастные, которых реклама недавно спровоцировала на получение в банках кредитов на покупку товаров и особенно на ипотеку (окрещенную самими банкирами метко и неприлично «анальное рабство»), оказываются и без денег и без крыши над головой – как сообщают из регионов судебные приставы буквально терроризируют население.

В стране нарастали озлобление и хаос – о чем с каким-то издевательским спокойствием, замаскированным под объективность сообщали доклады «силовиков».

Впрочем и сами они – особенно полиция вызывают лишь желание матерится – даже у потомственного интеллигента

каковым президент себя считал.

Во всяком случае именно крепкое русское словцо чуть не спорхнуло с его губ когда министр внутренних дел доложил что с тех пор как в учебных заведениях его ведомства ввели при поступлении усиленную проверку на предмет наркомании, поток желающих туда поступить заметно уменьшился.

Хорошо хоть слегка притормозили очередную военную реформу, смысл которой как говорят сводился к очередному «попилу-откату» на распродаже военного имущества и недвижимости ликвидированных гарнизонов и полигонов. Но все равно – той же улице, что и работяги с заводов и менеджеры из офисов, оказались тысячи офицеров и сверхсрочников, умеющих воевать и командовать людьми в бою. А с другой стороны – вояки, словно им мало, запихивают в армию новых призывников и норовят увеличить сроки службы.

Иногда даже ему начинало казаться – что он имеет дело не просто с глупостью и коррумпированностью сверх меры – но именно с сознательным вредительством. Правда непонятно – кому бы и зачем доводить дело до того что все рухнет и их выкинут из мягких кресел – и хорошо если не прямо на нары?

Но тем не менее Президент всё чаще ловил себя на том что ищет в глазах подобострастно кивающих чиновников некую тайную ехидную издевку: издевку все знающего и предвидящего посвященного на профаном-начальником или даже скорее – хитрожопого лакея над наивным барином,

еще не знающим что разорен.

И все чаще приходило ощущение что он играет – доигрывает шахматную партию, но им начатую и подходящую к концу. С таким положением на доске, когда делаешь только вынужденные ходы. Любое неверное движение приводит к мату на следующем же ходу. Гроссмейстер может выиграть такую партию.

Но он то не был гроссмейстером! Может быть их вообще не осталось в этой стране.

Можно опереться на штыки и даже рискнуть попробовать на них усидеть. Но как усидеть на протухающем киселе? Что можно на нем построить?

Он все чаще думал что сделать ничего невозможно, что все точки возврата пройдены не при нем – и даже не при первом президенте «Новой России», чьи измазанные в экскрементах портреты с легкой руки безумного художника Брюнера нацболы мечут в полицейских на своих митингах-шабашах. А вообще при его предшественнике с пятном на лысине, о котором почти все забыли – если даже не раньше. Светлое будущее нельзя построить из грязного настоящего, а если почки отвалились – нарзан пить таки поздно. И даже если завтра его поменяют на очередного борца или футболиста, то все равно от перемены мест слагаемых сумма не изменится. Уж, если паровоз «пошел в откос», то замена машиниста делу не поможет. Российский герб имеет две головы и три короны. Одна голова смотрит на Запад, другая на

Восток... И только своей нет...

Но черт побери – почему ему достались такие подчиненные??

Он вспомнил недавнее совещание экономистов «кремлевского пула» на коем присутствовал.

Их доклады отличались все той же заумной пустотой.

Придворный экономист Пау утверждал, что беда России – высокие цены на нефть. Слишком быстро мол мы богатеем – и от этого-то и беднеем! – сообщал он. И самое забавное – приводил механизм этого процесса – на восьми страницах, в котором Президент – матерый бюрократ, привыкший читать подобные творения так толком и не разобрался.

Старый говорун-живчик Васин талдычил вечную песню что государство слишком много пытается руководить: «Нас губит странное мнение, что проблемы, вызванные экономическими причинами можно решить, действуя где-то не в сфере экономики», – вещал он. «А морковь растет на грядке!» – мысленно добавил тогда президент.

Потом выступил Пфефер, с его странным рыбьим взглядом, будто сам с собой разговаривая: «Образование, здравоохранение, ЖКХ. Как бы ни были остры эти вопросы, их нужно решать. Это нужно сделать во что бы то ни стало, как бы это, может быть, трудно не было» – и так десять минут.

И президент лишний раз подумал – что черт возьми заставляло его предшественника – не самого глупого правителя России держать этого мутного типа на должности мини-

стра экономики так долго?

Или извечный принцип – «Как бы хуже не было»?

А в итоге – сотня страниц выжимок из этих докладов, сборник благих пожеланий, которыми вымощена дорога из-вестно куда.

Нового ничего там не было – все неприятное он и так знал, а советы по выходу из кризиса были или невыполни-мы – здесь и сейчас по крайней мере, или отличались на ред-кость беззубым и неумелым вяканьем – как документы идео-логического отдела ЦК КПСС года этак девяностого, рассы-лавшиеся на кафедры марксизма-ленинизма – он их изучал в начале своей карьеры, работая в Исторической комиссии при Федеральном Собрании.

Нет он конечно не ожидал найти там откровение – но чтобы совсем не было пользы? Хотя... в сущности – ведь все правильно. Ну кто такие эти эксперты? Маленькие люди, стоящие у подножия базальтовых стен корпоративных импер-рий. Но это ушлые мышки, им давно известны все трещины, лазы и неосторожно отрытые отнорки, тоннели и потерны в постройках больших людей.

У эксперта всегда была «власть маневра». Не зря же по-явилось это звонкое словечко «экспертотократия». И добро еще если он просто играет в конструирование логических цепочек из абстрактных понятий, не вдумываясь (ну нет у него соответствующего осязаемого опыта, например) в ве-щественное наполнение этих красивых и формально-пра-

вильных фраз – а заказчик и рад ибо ему «сделали красиво». Но это еще цветочки... Эксперт имея те же данные имеет возможность сделать текст жестче мягче, безнадежней или оптимистичней, левее, правее, либеральнее, консервативнее, потрафить хоть глобалистам, хоть их противникам, хоть даже Обществу защиты грибов от червей, а грешников – от чертей. И не всякое зоркое око углядит сии творческие вольности. Эксперт-организатор всегда может кого-то пригласить на важное сборище, а кого-то оставить за бортом, причем под самым благовидным и рациональным предлогом. Оставаясь безнаказанным он получает шанс выбрать роль ленивого матроса, попивающего ром, когда другие летают по вантам, или опытного боцмана, который хоть какую команду заставит работать. Дело дохлое, а шевелиться, ручками ножками дергает – этакий веселый зомби. Потом оказывается что зомби сдох, а денежки то – тю-тю! Но, предположим, его – или кого-то кто заплатил, заинтересуют более серьезные изменения. Кто помешает ему, этой серой экспертной крысе найти специалистов что напишут соответствующий доклад – не за деньги, а именно что по зову души?

Абзац придет ведь не ему... А так все нормально.

Политические трупы тут и там демонстрируют завидные признаки жизни. Они могут приехать с визитом к другому политическому трупу. Трупы могут долго сношаться, но родить уже ничего не смогут – даже тех самых пресловутых зомби из популярных фильмов.

...Но все заняты делом. Информационное поле посылает сигналы, а умные люди получают немножко денег на фуагру и отдых в Швейцарии.

Он вытащил еще одну пачку сброшюрованных докладов: Президент всё же несмотря на относительную молодость был человеком старой школы в этом смысле, и лучше воспринимал распечатку чем строки на экране самого лучшего ноутбука.

Опять эксперты... На это раз независимые. Он вскоре после тех внеочередных выборов втайне друг от друга поручил двум молодым и карьеролюбивым людям из своей администрации изучать писанину этих самых «независимых» – а также зависимых от кого – надо, и экспертов оппозиционно настроенных, и подавать ему если конечно это не откровенный бред.

При этом намекнув ненавязчиво что от того – насколько полезными будут идеи, принесенные ему в клювике, зависят разные бонусы и вообще – продвижение по службе.

Увы – доклады эти или были столь же бесполезны и оторваны от жизни, или сообщали с бесстрастностью медицинского диагноза одно и то же – то что он понимал и сам: да и как не понять? Причина не в ошибках при планировании того или иного решения. Причина – в самом характере не ими созданной экономики. Экономики «трубы» – как давно сказали умные люди. Именно превращение России в сырьевую страну всему корень.

Всё остальное: многократный заклад собственности, развёртывание ошибочных финансовых схем, создание рискованных бумаг, надувание «пузырей», строительство «пирамид» – вынужденные следствия главной причины. Своего рода этапы деградации наркомана, подготавливающие дальнейший рост дозы и переход на следующий виток болезни. Наркоман меняет анашу на «колеса» а таблетки – на героин – и так – до закономерного финала в морге. Каким бы ни был большим айсберг, если отпиливать от подводной части куски льда и тащить их на вершину, – наступит момент, и он перевернётся, сбросив опрометчивых «дельцов» в ледяную воду.

И что прикажешь с этим делать?

На разрушение старой и создание этой системы двум президентам – последнему СССР и первому – РФ потребовалось шесть лет – и это только на первом этапе.

На то чтобы развернуть все в другую сторону...

И ведь нельзя сказать что это невозможно – возможно и даже известно как.

Но это не по его силам. Он не Бонапарт, не Чавес, не Кемаль Ататюрк, не де Голль, не Ден Сяопин, не Рузвельт...

Дело даже не в мифических «массовых расстрелах» (хотя совсем уж без крови и тюрем не обойтись). Просто – не в силах. *Не может* – и весь сказ.

Также как не могли изменить ничего также все видевшие и представлявшие куда всё идет сановники эпохи конца Российской Империи. А и в самом деле – не это ли ощущение

невозможности чувствовал последний царь в последние дни его царствования?

И все чаще Президент думал что порядок на одой седьмой будут наводить уже другие. Не то что без него – уже без России.

И главное – и посоветоваться толком не с кем.

О – это одиночество верховного властителя! Когда только ты во всем и всегда виноват. Когда ты неделями и месяцами живешь наедине со своими мыслями. Когда невозможно отказать от принятого решения и некому пожаловаться...

Когда каждый твой, даже самый невинный поступок или приказ может стоить сотен человеческих жизней. Или миллиона долларов. Когда нельзя поделиться сомнениями даже с ближайшими друзьями – потому что друзьями они были – а теперь подчиненные. И люди не должны видеть на твоём лице даже легкой тени от одолевающих черных дум. Положение обязывает.

Он вернулся к докладам.

«В среднесрочной перспективе» (ох, он уже начал тихо ненавидеть эти обтекаемые стандартные формулы канцелярита!) те обещали почти неизбежную потерю накопленных финансовых резервов: они улетят за границу в уплату долгов. Массовая безработица обеспечена, как и ненависть к режиму одновременно и рабочих, и капиталистов. Столь же очевидна и грядущая девальвация рубля (и не ошиблись докладная записка с обоснованием необходимости этого лежит

у него на столе уже вторую неделю – и эксперты все как на подбор умнейшие и честнейшие) с тяжелейшим ударом не только по карманам населения, но и по банкам, и по реальному сектору.

А за собственно финансовым кризисом и остановкой реального сектора виднеется разрушительное «цунами» в виде кризиса износа основных фондов и инфраструктуры, аварий заезженного ЖКХ, энергетических катастроф. Придется столкнуться и с острейшей нехваткой квалифицированных работников, и с резким уменьшением числа молодежи (привет от 90-х), и с проблемой полной неконкурентоспособности основной массы постсоветской молодежи, и со взрывами межнациональных конфликтов. А дальше – истощение старых нефтегазовых месторождений в Западной Сибири при неосвоенности новых в Сибири Восточной. В общем – предстоит заплатить за проедание советского наследства в минувшие двадцать лет... Но – что за подлость судьбы – загоняли ситуацию в яму долго и упорно – а вот расплачиваться придется ему... А есть еще – никуда ж не делся – и мировой кризис. И его неминуемая третья волна скорее всего взорвет этот пузырь... ошметки только и полетят в разные стороны.

Спецы из ФСБ советовали пригласить в правительство представителей правой и левой оппозиции. Будто бы он сам бы не позвал министров хоть из КПРФ хоть из ЛДПР – хоть из «Партии любителей пива» – если бы дело было в мини-

страх. Но нужны не два десятка исполнителей, а целый корпус грамотных, предприимчивых и честных управленцев.

У него всё чаще возникало впечатление что где-где, а в России пресловутое «новое средневековье», каким западные футурологи непрерывно пугали друг друга уже началось (хоть в чём-то как встарь мы «впереди планеты всей») и страна погружается в какую-то оргию напоминающую смесь гибели Рима с пиром во время чумы. «Впечатление такое, что пропустили мы какой-то поворотный момент, точку отсчета и с какого-то момента запустился механизм падения цивилизации. Мы не видим очевидных вещей, компьютеры с лайнерами нам глаза застыят...» – вспомнил он запись «прослушки» с одного из междусобойчиков экспертов (да – и такое практиковалось)

А низовой политический планктон еще хорохорится, пишет какие-то письма в общественную интернет – приемную президента, и рассказывает как у нас все плохо и что «надо что-то делать»!

Будто он не знает сам! Что машиностроение в ужасающей ситуации. Что принятые десятки планов развития разных отраслей никак не связаны друг с другом и противоречат друг другу. Что хотя еще прежнее правительство приняло Генеральную схему строительства новых энерго мощностей, но куча частных компаний, на которые распилили РАО «ЕЭС» не могут выполнить этих планов – у них средств нет. Что РФ практически не может больше производить единствен-

ную межконтинентальную ракету «Тополь-М» сколь-нибудь крупными сериями – а скоро вообще не сможет. Что с кадрами на заводах – полная ж... Что не американские – даже китайские (Хотя – к чему тут «даже»? Китай это ведь уже сверхдержава.) действующие системы вооружений опережают российские *проектируемые* аналоги. Полный капут!

Он вздохнул и вытащил из пачки ранее начатый доклад «Российского общества евразийских исследований».

«...При господстве в обществе субпассионариев неизбежно наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимы. По теории это происходит примерно через тысячу двести лет после образования этноса и таким образом именно этим и объясняется ситуация в России ...В силу собственной ничтожности субпассионарии при упадке любого этноса используют учение которое становится этическим императивом. Они говорят: «...мы на все согласны, только вы нас кормите и водку давайте». Их становится все больше и больше. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого положится...Ценятся не способности, а их отсутствие, не стойкость в мнениях, а беспринципность... Все сказанное Львом Гумилевым в точности повто-

ряет современное «Российское государство» это видит всякий нормальный человек... А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная, когда этнос (русские) сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком...»

С этой мыслью президент России и умер...

* * *

Шел двенадцатый час, Ильгар, клюя носом, сидел над сложенными на зеленом сукне золотистыми жетонами. Пьяненькая Вика уже полчаса как ушла «попудрить носик» и так и застряла, вероятно, в дамской комнате.

«Дрыхнет на толчке, поди, девочка, – думал парень, следя за гипнотическим вращением черно-красного колеса: он давно уже раскидывал фишки без всякой логики, равнодушно сгребая выигранные и не обращая внимания, когда крупье лопаточкой сгребал никелевые кругляши на свою сторону стола. – Ну и хрен с ней... Отец – профессор, мать – писательница, дед – знаменитый художник, а у этой, а весь ум как будто в сиськи ушел. Хорошо хоть – живые, а не силиконовые... Хотя – может талантливо прикидывается? Дурочек больше любят... И где Влад интересно шатается?»

Он сцапал стоящий у локтя бокал с выдохшимся шампан-

ским и сделал большой глоток. Чуть-чуть полегчало, но завсегда́тай подобных злачных мест знал, что ненадолго. Игроков вокруг было немного – сказывались и поздний час, и нездоровое, кризисное время. Выбрасывать деньги на ветер без толку избегали даже отпетые игроманы – те что первое время после снятия запрета на азартные игры просто – таки роились в казино и залах игровых автоматов.

«Пора на ночлег, так сказать в уютную берлогу – твердо решил он, сгребая фишки в карман и, по привычке, швыря одну благодарно улыбнувшейся девушке-крупье. – Найду эту дуру, завезу домой и – в койку. И так шеф завтра стружку снимет. Эх, хотел ведь часок-другой посидеть...»

Чуть покачиваясь, он побрел к выходу, раскланиваясь с завсегда́таями и делая ручкой знакомым девушкам. Фишки он не считал, но, по прикидкам, остался «при своих». Штука «зелени» туда – штука сюда...

Возле кассы он нос к носу столкнулся с Викторией, выглядевшей не блестяще.

«А девочка-то кажись перепилась... – подумал Ильгар, засовывая в карман пачку денег – он даже не удосужился проверить, сколько ему дала рыжая кассирша: какая, к черту, разница? – Ну и? Мне с ней детей не крестить, зато секс обещает быть отменным... Хотя – Влада жалко, он похоже на неё всерьез запал»

– Ты куда собрался? – повисла на нем девица, бесстыдно, взасос, целуя при всех. – Разве мы больше не играем?

– Поехали, – грубовато положил он ей руку на плечо. – Бай-бай...

– А Влад где?..

– Желает секса втроем? Я этим не увлекаюсь...

– Фу, грубиян! Ты мой и только мой!

– Но тачка то его?

– Но не бросать же нам машину на стоянке?

– Тогда пойдём. А бабла у Борисова на такси хватит.

– Хва-а-атит! Хва-а-а-тит! – пропела Вика, серебристо смеясь.

Глаза у нее были пустые-пустые...

... «Лексус» медленно вырулил на Новый Арбат, за тонированным стеклом проплыли зеленые купола церкви Симеона Столпника – на которую незадолго до того смотрел Влад.

И ему – тридцатилетнему выпускнику МГУ, не верившему в Аллаха и в Христа – вдруг почудилось непонятное свечение вокруг купола – какое-то серебристое, щемящее и... обреченное.

Наваждение пропало – обычный пейзаж, обычная церквушка, одна из многих, сохранившихся в Москве, обычная пробка...

Пробка? Откуда?

«Лексус» уперся в задние ряды сердито гудящих клаксонами автомобилей. Встречная полоса была пуста, но в сторону Смоленской все полосы были забиты до отказа.

– Во, выспался! – в сердцах грохнул Ильгар кулаком по

рулю и «Лексус» исторг истошный вопль мартовского кота, обманутого в самых светлых чувствах. – Как думаешь, долго застряли?

– Застя-я-я-ли, застря-я-я-ли! – пела Вика, улыбаясь неизвестно чему. – Застря-я-я-я-ли!

«Ну, пережрала, – сердито подумал парень. – Может, в объезд?»

Но сдавать назад было поздно: почти в багажник «Лексусу» уперся могучий бампер «Хаммера», а позади него, в морозном тумане выхлопа, подсвеченном алыми отсветами стоп-сигналов вырисовывался еще кто-то, такой же угловатый, и могучий.

«Это надолго, – вырубил он движок. – Что бы не через центр? Быстрее захотелось... Вот и кукуй тут!»

Он включил приемник – нашел знакомое «Дорожное радио».

Новости науки – академик Мудельман с успехом доказал теорию сферического коня в вакууме – это идеальная шарообразная лошадь, предельно упрощенная математическая модель реальной лошади, – радостно заверещала знаменитый ди-джей Оля Прухина.

О погоде – по прогнозам гидрометеорологов и астрологов в наступающем Новом Году в России круглый год должен идти снег с дождём и наблюдаться резкое увеличение популяции медведей. А еще – летом ожидается повышенная температура, а зимой – пониженная вплоть до минусовой! Это

так, для лучшего погружения в атмосферу будущего! Оставайтесь с нами! А теперь как говорил великий африканский король Бабангида Первый «Вернемся к нашим бананам...» Группа «Бананаманго» исполнит для вас...»

– Тьфу! – он вырубил «Сони».

– Дорогоой! – потянулась к нему девушка, требовательно запуская руку в вырез куртки, плавно, но неотвратимо ведя ее вниз... – Дорогоой!..

«А почему бы и не здесь?.. – расслабленно думал он минуту спустя, машинально глядя мягкие светлые волосы на затылке, пригнувшейся к его коленям девушки. – Стекла тонированные, подвижек не предвидится.»

Под негодующие звуки клаксонов его душа воспарила куда-то ввысь...

Увы, с небес на землю его спустил какой-то человек, протолкавшийся между тесно, едва не смыкающихся бортами автомобилей и, с размаху, обеими ладонями впечатавшийся в стекло. Мелькнуло на мгновение перекошенное лицо с вылезшими из орбит глазами, пар, вырывающийся изо рта, а потом неизвестный втиснулся в узкую щель между «Лексусом» и стоящим бок о бок с ним «Шевроле», длинно скребнул по дверце чем-то металлическим и канул в темноте позади.

– Пидарас!!! – взвыл Абульгаров, отталкивая опешившую девушку. – Все крыло раскромсал! Мудак! Как я с Владиком буду объясняться??

Он попытался распахнуть дверь, но вспомнил о соседе и только бессильно обернулся, чтобы заметить, куда скрылся «вредитель».

– Иилькаа! – затеребила его за рукав Вика. – Что это?

Дрожащий палец девушки указывал на лобовое стекло, где, подсвеченные тусклым светом стоп-сигналов газующего впереди «Вольво» четко вырисовывались два мутных отпечатка растопыренной пятерни. Красных, как показалось парню в первый момент.

А в следующий момент он понял, что не показалось...

– Там авария? – Вика клещом вцепилась в локоть оцепеневшей «телезвезды», тряся ее с неожиданной в таком хрупком теле силой. – Это ведь кровь, да?!

Но он лишь вслушивался во что-то, заглушаемое истошными разноголосыми воплями клаксонов, даже не пытаясь вырваться. Что-то непонятное и угрожающее...

Еще один человек протиснулся уже с Викиной стороны, а потом, по пустой встречной полосе повалила целая толпа. Это были не стройные ряды демонстрантов и не вал спешащих в утренние часы на работу. Это была именно толпа – многоглавое, многоногое, безмозглое чудовище охваченное паникой и не разбирающее дороги. На глазах оцепеневшего парня, один из бегущих поскользнулся и, всплеснув руками, рухнул прямо под ноги остальных. И толпа пошла по нему, не обращая внимания, что ноги топчут еще живое, трепещущее тело.

Какой-то человек, с силой ударил кулаком в стекло «Лексуса» и завопил, брызжа слюной:

– Валите отсюда! Та-а-анки!!!

«Какие танки? Он спятил? – испуганно ворочались в парализованном страхе мозгу куцые мысли. – Мы же в Москве! Откуда танки?.. Что – наркоту жрет?»

Но он уже понял, что за звук доносился сквозь стихающие один за другим сигналы, наоборот усиливаясь.

В борт «Лексуса» заколотило: пассажир (а может и водитель?) соседнего «Шевроле» пытался открыть свою дверь и Ильгар видел через два тонированных стекла его испуганное и злое лицо.

«Не открыть! – подумал он. – А с Викиной стороны?..»

А танковые моторы ревели уже совсем рядом. Счастливицы из крайнего левого ряда, выкатывались на разделительный газон и, давя толпу, пытались покинуть проклятую пробку. «Хаммер» все ерзал на месте, пытаясь спихнуть подпирающий его сзади джип, но Владу уже было не до него. Выбравшись в загазованный промежуток между авто, он потащил за собой безвольную девушку назад, подальше от прущего с запада ужаса.

Рев могучих двигателей и скрежет металла стал невыносимым, но они вырвались! Вырвались!

Он обернулся на бегу и обмер: окутанная морозным маревом угловатая громада расплющила «Хаммер» и, грузно перевалившись через груды металла, бывшего минуту назад

шикарным авто, с металлическим лязгом рванула гусеницами асфальт, повела хоботом длиннющего орудия, взрыкнула двигателем и покатила куда-то, легко обгоняя бегущих. Что-то, запутавшись в катках, сочно хлюпало по асфальту и мокрыми длинными тряпками волочило за стальной громадой.

Парень, вне себя от ужаса, охваченный атавистическим страхом, будто далекий его пращур от взбесившегося махайрода, скользя и спотыкаясь, мчался по Новому Арбату в толпе таких же обезумевших троглодитов, волоча за собой рыдающую навзрыд Вику, а в голове бились панические мысли:

«А если бы мы не успели? А если бы как тот, в «Хаммере»?..»

Их обогнала еще одна бронемашина, поменьше, сплошь облепленная вооруженными толстыми людьми в касках. Один из них, хохоча, что-то крикнул прямо в лицо Ильгару, поднял вверх автомат и выпустил в мутно-багровое небо длинную очередь.

«Что это?! Что произошло? Откуда это?!!..»

* * *

Время «Ч» – плюс минус минуты...

Правительственный кортеж миновавший Московскую Кольцевую дорогу и проскочив только начавшее стоитя

Большое транспортное неся по шоссе – мимо коттеджных поселков и новых микрорайонов уж расплескавшейся в область Москвы. Машина Президента следовала из города в дачный поселок для высшей элиты. Полдюжины одинаковых черных минивэнов с глухо тонированными стеклами и мигалками среди которых терялась машина в салоне которой находился глава российского государства. Кавалькада следовала, как обычно, с максимально возможной скоростью. Правительственные машины тихо не ездят – они идут по заранее расчищенной трассе с раз и навсегда установленной скоростью – рассчитанной специалистами для того чтобы максимально затруднить действия возможных диверсантов. И останавливаться они не имеют права, что бы ни случилось. Их водители не нажмут педаль тормоза, неожиданно увидев на дороге собаку, человека или даже автомобиль (многотонный «Мерседес» мог отбросить с дороги почти любое препятствие.)

Но чужой машине неоткуда появится – давно прошли времена былинные, когда даже для кортежа Брежнева дорогу перекрывали на три минуты – безопасность прежде всего. И сопровождение не исчерпывалось четырьмя машинами – сейчас неприкосновенность содержимого «членовоза» берегла целая сеть сотрудников ФСО. Группы обеспечения сейчас по заранее оговоренной схеме снимались с постов и, перегруппировываясь, продвигались вслед кортежу. Со стороны это напоминало движение гигантской каракатицы, ко-

торая то сокращалась, то растекалась по сторонам, то выбрасывала далеко вперед щупальца, но при всем при том уверенно ползла в нужном направлении. И осталось этому во все даже не безмозглому головоногому проползти считанный десяток километров чтобы достигнуть цели... Всего-то несколько тысяч метров до безопасного периметра поселка охраняемого почище любой военной базы.

Но эту дистанцию ей преодолеть было как раз и не суждено...

В часе неспешной ходьбы к востоку от трассы в обычной подмосковной квартирке еще не старый – лет чуть за пятьдесят человек южной внешности в обычных трениках и майке с Микки-Маусом, снял трубку обычного городского телефона.

– Говорит Директор! Через семь часов груз будет доставлен. Кодовая фраза означала что через семь минут цель будет в зоне атаки. Приготовиться! И положил трубку. Ответа не было – и не предусматривалось – но он почувал почти физически как на той стороне телефонной линии напряглись, словно стальная пружина взводимого затвора.

Идальго был предельно спокоен – и меньше всего сейчас этот человек опасался спецслужб. В этом мире худо или хорошо – но отработали алгоритмы поиска заговорщиков и борьбы с террористическими организациями. Но вот маленькую группу, собранную для выполнения одной-единственной задачи практически невозможно отследить. Ско-

рее уж испортить дело могла лишь какая-то случайность. Только это – но случайности исключены. Ведь он был лучшим. В его профессии до его возраста доживал один из ста – и лишь тот кто смог стать лучшим из лучших. Да – он лучший и ошибиться не может – он, учившийся еще у легендарных стариков – ныне забытых героев этой страны; он – троекратный изгой – изгой в этом мире «Конца Истории», изгой – террорист и диверсант, изгой – человек, не пожелавший играть по правилам своей родной службы и принесенный ей в жертву – да вот вывернувшийся. Он не испытывал ни радостного предвкушения ни страха провала – лишь на дне души тлело некое самодовольное ощущение собственной значимости – что сейчас он нанесет удар не по человеку и даже не по стране – по нынешнему миру.

Мир этот – гниющий заживо и стоящий на краю пропасти был ему ненавистен и он этому миру был ничего не должен – напротив, человек проходивший в списках кубинской стратегической разведки как Идальго, а в картотеках спецслужб дюжины стран – как один из самых опасных боевиков искренне был убежден что новый лучший мир может родиться лишь из пепла этого ходячего трупа.

И этим людям решил помочь лишь для ускорения гибели этой помойки. Ибо людей этих он презирал намного сильнее чем тех кого предстояло *исполнить*.

Даже не так – те был всего лишь *объектом*, абстрактной целью – как и полагается для истинного профессионала. А

вот *заказчики* – частью зла что сожрало надежды и его и сотен миллионов по всему миру.

Тем не менее он сразу – даже не зная о чем пойдет речь, но угадав *чутьем* что дело того стоит – пошел с ними на контакт, когда эти люди вышли на него: причем через проверенных знакомых, давних боевых товарищей... Видимо используя старые каналы, которые не оборвали и не сдали треклтым янки тогда – в 90е. Не сдали само собой не из патриотизма – а чтобы использовать к выгоде для себя. Правда несколько неприятно было что его все же отследили – пусть и опосредованно. Ибо Идальго не имел иллюзий и предполагал что агентура Лэнгли чувствует себя в Москве пусть не свободно, но достаточно вольготно, а что знают двое то знает и свинья – как говорил в свое время один из его учителей – глава некогда почти всемогущего «Штази» Маркус Вольф.

К тому же сильные мира сего имеют неприятную привычку – избавляться от тех кто слишком много знает об их делах. Поэтому он изначально поставил условие – никакой слежки, никакого контроля, и после первой же такой попытки он не только разрывает *контракт*, но и автоматически начинает охоту на них.

Впрочем, как бы там ни было, риск и преждевременная насильственная смерть – это обычная судьба человека, избравшего его ремесло. Но зато ему суждено было совершить по настоящему великое дело, что перевернет судьбу мира.

Он не знал подробностей заговора хотя в общих чертах

их представлял – по отрывочным сведениям невольно сообщенным ему в ходе подготовки он восстановил в уме план заказчиков как палеонтолог по обломкам костей воскрешает облик динозавра.

Само собой – их словам о спасении России он не верил – они спасали прежде всего себя. Но... в конце концов то что они собирались сделать соответствовало его надеждам и мечтам. Разумеется, они еще и давали деньги. Хорошие деньги. *Очень хорошие*. Такие, каких даже близко не платил ключевым исполнителям и сам покойный Бен Ладен. Но не в деньгах было дело – и даже не в ненависти к этому миру. Было еще кое что... А именно – все чаще он, обдумывая предстоящее ловил себя на странных мыслях. Неподобающих подполковнику кубинской разведки и коммунисту, каким он себя несмотря ни на что считал, но вполне логичных для высококлассного наемника каким по факту был.

А думал он о том что для человека его рода занятий и образа жизни сделать такое дело – дело которое в мире может быть по плечу лишь ему одному – совершить *акцию* подобного уровня – это окупает даже последующую смерть.

Кроме того... Он уже не стыдился в этом признаться – чувство собственной значимости, раз поселившись в душе, не отпускало его. Ибо именно он и только он будет тем кто повернет колесо истории. Не заказчики которым без него не справиться. Не миллиардеры с Уолл-стрита, Сити или из Берна... И не хозяин Овального кабинета, а уж тем более –

его генералы или адмиралы вообразившие что мир принадлежит им отныне и навеки.

Он вспомнил первую беседу с местными заговорщиками – тогда, сидя за грязным покосившимся столом в дряхлой «хрущобе» на конспиративной квартире Идальго с трудом сдерживал презрительную усмешку. Он чувствовал их страх и жадность и одновременно – какую то странную надежду с какой они смотрели на него: как на врача или скорее как на мага, который должен принести спасение.

Они хорошо подготовились и подобрали аргументы как им казалось убойные – только вот он видел их насквозь и не верил в их выпренные, но по сути так жалко звучащие слова – да и не важно это, как не важно – верили ли они сами в них.

Он – спецслужбист экстра-класса понимал то чего не могли уразуметь эти проворовавшиеся чиновники и запутавшиеся в темных делишках бизнесмены. Что вся их «Новая Россия» – колосс на глиняных ногах, а они – её могильщики. Одним ударом они её конечно, не разрушат, но это и не нужно – она испустит дух спустя какое-то время – и это тоже соответствовало его планам... Он не тешил себя иллюзиями и понимал что вряд ли сумеет что-то радикально поменять в судьбе этой несчастной страны.

Но надеялся что как бы то ни было, мир станет чище. Заодно проверит сразу две своих технических придумки.

Первое из них о сути было вариантом давно известной

УВК – Универсальной вышибной каморы. Появившаяся на давно минувшей великой войне она позволяла применять против врага трофейные боеприпасы – да небольших авиабомб включительно.

Представляет оно собой по сути обычный стальной цилиндр с пороховым зарядом и взрывателем выбрасывающим в воздух снаряд или мину.

На этот раз правда изделие было весьма крупное да и снаряд был необычным – ФАБ – 1500 с приделанными ускорителями и блоком управления от снаряда «смерча». К тому же по бокам каморы торчали рельсы направляющих – что увеличат дальность и точность полета.

И сейчас авиабомбе предстояло пролететь километр с лишним и упасть в середине Рублевского шоссе – прямо на приближающийся президентский кортеж. А есть еще второй сюрприз...

Он опять усмехнулся в слегка седеющие усы. Задача конечно перед ним была поставлена архисложная – нужно было убрать одновременно две мишени. Пришлось пошевелить мозгами – признаться, Идальго перебрал не один десяток вариантов и планов – но в итоге нашел требуемый подход. ... Конечно – после всего того что произойдет включатся все эти планы вроде «Перехват» и «Вихрь-Антитеррор», забегают по городу упакованные в лучшую западную броню и снаряжение бойцы элитных подразделений, размахивая закупленными у англичан снайперскими винтовками, ища зло-

умышленников, столь нагло стукнувших российскую демократию по её голове (а также символу и гаранту). Перекроют дороги и аэропорты и начнут проверять документы на вокзалах.

Да только что толку, если люди, доставившие и смонтировавшие *изделие* в ангаре арендованного два месяца тому склада уже двенадцать часов как покинули Москву и Россию – и где именно они сейчас не знает даже он. Кроме него из его личной боевой группы в столице сейчас лишь трое – тех кто дистанционно приведет машину смерти в действие, и осуществит второй этапа операции.

Искать их? Пусть ищут. Он не без самодовольства подумал что эти мелкотравчатые наследники грозной славы предков ему не соперники. И искать его в Москве можно сколько угодно – до того что организатор акта *центрального террора* может руководить процессом из Ближнего Подмосковья – как тут говорили из Замкадья они не додумаются.

...Задолго до операции, вернее уже в первый свой рекогносцировочный визит, он на стенах нескольких стоящих вдоль интересующей его трассы домов установил миниатюрные видеокамеры. Хорошо замаскированные, заказанные в Нидерландах в одной из фирм по производству шпионского оборудования и снаряжения для ЧВК и детективных агентств – копирующие материал оконной рамы...

Нужно было лишь быстро вырезать боразоновой пилкой кусок и установить точный аналог, а потом плеснуть сверху

белой краски – да еще на стены – чтобы не бросалось в глаза. При такой передовой шпионской технологии не было нужды долбить стены, укрепляя телевизионный штатив с риском привлечь к себе внимание не в меру подозрительных граждан. Все гораздо проще – пять минут и ступай себе как ни в чем не бывало – кто обратит внимание на работягу в строительной спецовке поправляющего раму?

Двенадцать камер обеспечивали отличный обзор трассы на протяжении нескольких километров. И никакие полицейские и снайперы не помеха. Правда, четкость картинки оставляла желать лучшего, но уж тут ничего не поделаешь. Первая камера, вторая, третья, четвертая... Баллистические вычислители на базе трех ноутбуков собранные московским компьютерным гением – не знавшим что делает, обрабатывали информацию и передавали получившиеся данные в электронную память орудия убийства...

...Звякнул СМС-кой второй мобильник – кортеж достиг первой условной точки. И Идальго нажал на клавишу вызова лежащего перед ним «Самсунга» с заранее выведенным на экран номером.

Ну – с Богом... Или с Сатаной?

Нет – это не была команда «пуск» – всего лишь разблокирована система приведения заряда в действие... Спустя пятнадцать секунд по приказу компьютера распахнулся заранее подпиленный участок крыши сборного металлического павильончика с надписью «Цветы», и через мгновение тя-

желое тело бомбы в облаке пороховых газов взмыло вверх, скользнув по направляющим – дальше управление взял на себя электронный мозг безошибочно наводя снаряд на цель.

За сто метров от дороги широкополосный подавитель сигнала установленный на машине охраны вырубил блок управления – но дело было сделано и вычислитель успел направить снаряд куда следует: спецы ФСО хотя и предусмотрели возможность применения радиоуправляемых мин – но само собой наземных, а не летающих.

Бомба врезалась в асфальт ровно между головной машиной и президентской...

Никто ничего не успел ни понять ни даже почувствовать...

...Взрывная волна превратила бронестекло в крошево мгновенно изрешетившие тела сидевших в машине, включая главу государства – они все умерли раньше чем огненный ураган настиг остовы машин, круша и сминая прочную сталь как жесть..... Через долю секунды адская вспышка пламени с температурой больше двух тысяч градусов на миг разорвала пелену вечерней мглы. Сила взрыва была такова, что кузов бронированного лимузина разорвало и обломки отлетели на пару десятков метров...

Идущий последним в кортеже «БМВ» огненный таран взрыва буквально снес с дороги. Черная стальная туша, вертясь в воздухе подобно детской игрушке, отброшенной в сторону пинком, рухнула под откос и вертясь покатилась пре-

вращая всех находящихся внутри в мешки с переломанными костями. Подброшенный силой взрыва на десять метров вверх, микроавтобус сопровождения перевернулся в воздухе, упав на один из автомобилей президентского кортежа. Несколько случайных прохожих были убиты или искалечены. Взрыв летающей мины заполненной семьюстами с лишним килограммами взрывчатой смеси в два с половиной раза мощнее тротила, был слышен за десять с лишним километров. Ни от машин, ни от жертв почти ничего не осталось – только кратер глубиной пять метров и отсутствие полусотни метров дорожного полотна. Взрывная волна смела всё, что находился на расстоянии ста метров от взрыва, выбив стекла в домах недалекого нового микрорайона и заставив сработать автомобильные сигнализации даже у МКАДа. ... Поглядев на озарившую небо над лесом вспышку и пробежавшие за ней сполохи, человек прогуливавшийся в одной из лесополос Рублевки вынул из кармана мобилу и послал давно заготовленную СМС, после чего отключил телефон, вынул аккумулятор с сим-картой, и зашвырнул аппарат в снег. А Идальго удовлетворенно усмехнулся, глядя на загудевший и замигавший «Самсунг» взял его – пробежал глазами сообщение, и набрал другой номер.

– Двадцатому – приступать.

Напоследок, уже одеваясь, он услышал многоречивый разноречивый десяток голосов в наушниках радиостанции, настроенной на спецволну:

– ...Докладывает пятый. В квадрате «Д» произошел взрыв...

– ...пожарным машинам прибыть...

– ... Объект «ноль» предположительно уничтожен.

– ...Блокировать улицы Речную, Витебское шоссе, микрорайон Макаровка...

– ...Подразделению 3-12 действовать по схеме...

– ...Личному составу батальона патрульно-постовой службы полиции срочно передислоцироваться...

– ... Наблюдаю пожар, в районе прохождения объекта «ноль» – было слышно как тяжело дышит человек, как в ужасе от того что случилось невозможно срывается его голос....

– ...Немедленно... Срочно... Угроза первой степени...

– ...Семнадцатому – там могли остаться живые?

– ...Семнадцатый, отвечайте!

– ...Семнадцатый на связи – наблюдаю только пожар.

Большой пожар, слышите...

– ...Красная тревога!

Но он слушал эти сообщения что называется вполуха...

Нужно было уходить – тем более тут закончат без него...

* * *

... Костров Семен Петрович собирался вздремнуть, благо выдался свободный вечерок – не так уж часто они бывали в жизни российского премьера. Правда, уже как два месяца

утвержденный премьер – министр России никогда не обольщался насчет своего статуса понимая что он всего лишь клерк – пусть и высокого ранга. Или как принято говорить здесь и сейчас – технический премьер... Обычная роль главного чиновника и начальника канцелярии. Начальника канцелярии прогорающей компании – разве что утешаться можно тем что страны в отличие от фирм могут прогорать десятилетиями. Опять же – как пошутил неувядающий юморист старикашка Погостян, это в обычную пропасть можно падать только до дна. А в финансово-экономической можно и в дно углубиться.

Костров уже неделю как отправил семью в Европу и последние пять дней почти не бывал дома.

Теперь чтобы прогнать сонливость, он обошел в свою квартиру-дуплекс, верхний этаж которой, занятый исключительно им одним состоял из гостиной, совмещенной с кухней, спальни, кабинета с защищенными линиями спецсвязи и просторной ванной комнаты. Тут он мог работать никого не беспокоя и чтобы никто не беспокоил его.

Приняв холодный душ и растеревшись мохнатым полотенцем, он прогнал остатки сонливости. Затем, переодевшись, прошел в гостиную, сделал пару бутербродов с сыром и, заварив кофе, уселся перед окном. Несмотря на глубокую ночь за окном, огромный мегаполис жил своей ночной жизнью, не подозревая, что стоит на пороге настоящего апокалипсиса. Не подозревал о своей судьбе и премьер, с чаш-

кой «мокко» сидевший и предававшийся размышлениям. До него дошли слухи что весной, а то и сразу после Нового Года его отправят в отставку и назначат новое правительство с участием как обтекаемо говорили аналитики «умеренной части либеральной оппозиции» – читай, НЕГРа. Но в это он не очень верил – по причине того что в оном НЕГРе умеренных не наблюдалось, а Сарафонов к тому же сподобился пообещать «разобраться» со многими солидными и влиятельными людьми.

Но все чаще Семен Петрович жалел что три года назад не принял предложение возглавить филиал «Росторгбанка» в Австралии. Кормил бы сейчас мелких забавных кенгуру-валлаби в национальных парках, грелся бы на белоснежных коралловых пляжах и не думал бы о политических дрязгах и бюджетных дефицитах и профицитах. Одно хорошо – сейчас России не докучали внешние угрозы. Соседи тоже спокойны. Средняя Азия предпочитает резких движений не делать. Грузины так до сих пор от августовской порки восьмого года не отошли, Украина введя парламентскую республику погрузилась в дрязги и правительственные кризисы, а Белоруссия благополучно избрала нового президента-либерала который однако который сделал своим принципом – «при мне все будет как при Папе Саше». Но вот внутренние дела...

...Оппозиция и пресса откровенно насмехались над его назначением – отпуская дежурные шутки что скоро в пре-

мьерском кресле будут сидеть дворники и шоу-мэны, и что институт премьерства что называется «дотрахался до мышей», хотя это значения не имеет – ибо кто-то же должен сидеть в кресле премьера – и не столь важно – что та канцелярская крыса, что другая...

Он не был дураком, и понимал всю суть ситуации, но не числил себя способным что-то изменить. И свой долг видел в том чтобы наилучшим образом выполнять свои должностные обязанности в рамках установленных шефом и законом. Не гений, не сверх-коррупционер, не идеалист, не карьерист – просто чиновник. И просто человек.

Таков он был – Семен Петрович Костров – очередной «технический премьер» и последний премьер-министр Российской Федерации, не совершивший по сути ничего внятного – кроме того что продавил снятие запрета на казино и азартные игры. Ни хороший ни плохой, в общем – типичный чиновник, разве что почестнее среднего российского, объявленный воинствующими «патриотами» Лейбой Соломоновичем Костровичем, сыном никогда не существовавшего южно-сахалинского раввина.

Была ли его вина в том что случилось с Россией – да и вообще в чем-то?

История вообще не задается такими вопросами...

«Русский терем» – жилой комплекс для высших чиновников охранялся как и следовало Федеральной службой охраны – охранялся стандартно и надежно. Конечно штурма в

лоб большими силами с применением танков и артиллерии ему не выдержать даже пяти минут, ну, а против одиночной терроргруппы – даже очень сильной – вполне себе. Долгое время можно удержать и разъяренную толпу – пока у той не появятся гранатометы и минометы. Окна всех важных людей выходят в глухой двор с четырех сторон окруженный стенами – снайперу что называется нечего ловить. Даже в коммуникациях натканы видеокамеры с автономным питанием – не подобраться. Разве что применят набитый взрывчаткой самолет – вот его сбить нечем – да и просто не успеют. Но откуда ему взяться, если небо Москвы по прежнему надежно контролируется и даже воздушные такси не разрешают, помня о печальной судьбе башен-близнецов?

Но именно с неба пришла смерть – для премьера Кострова и еще некоторого количества жильцов, оказавшихся не в том месте не в то время.

...С крыши тринадцатипятиэтажного офисного здания в полутора километрах от жилого комплекса поднялся в небо небольшой привязной аэростат. Даже если бы кто-то из прохожих спешащих по предпраздничным делам или даже сотрудников силовых структур поднял глаза и сумел его разглядеть на чёрном небе, то наверное бы и значения этому не придал. Тем более тут уже с месяц поднимались всякие рекламные шары. И не удивительно – среди арендаторов затесалась фирма «Новый Цеппелин» занимавшаяся аэростатами и воздушной рекламой. Они даже удостоились подряда

от властей муниципального округа – поднять их новогодний баннер 31 декабря.

Только вот на этот раз шар поднимал не баннер и не рекламу. В почти невидимой снизу гондоле располагалось хитрое приспособление состоящее из системы гиростабилизации, лазерной установки – самой обычной, гражданской, для лазер-шоу, разве что чуть усовершенствованной, и спаренная с ней новейшая специальная видеокамера для ночной съемки.

– Нижний, видишь верхнего? – осведомился сидевший в соседнем доме в снятой два месяца тому назад квартире человек за экраном, наблюдая пейзаж ночного города в инфракрасном свете.

– Вижу, – сообщил человек устроившийся в кабине припарковавшегося в глухом проулке джипа – в километре с лишним от небольшого трейлера украшенного надписью – «Эксклюзивные новогодние подарки».

– Начинай!

В кузове машины на дюралевых полозьях расположилось нечто напоминающее уменьшенную модель истребителя второй мировой – разве что без винта, зато с набором реактивных сопел в хвосте – смонтированный пакет учебных реактивных снарядов. Еще два цилиндра по бокам: стартовые ускорители. Небольшая головка инфракрасного приемника там где полагалось быть кабине.

И полсотни килограммов нашпигованных детонаторами

тетрила в смеси с гексогеном внутри корпуса.

Нельзя сказать что подобной угрозы совсем не замечали – боевые беспилотники – они же «ударные дроны» как их называли с чьей-то легкой руки уже перестали быть экзотикой.

Но вот представить подобное изделие собранное «на коленке» было трудно среднему отечественному спецслужбистскому уму – не выросшему за последние два десятка лет (скорее уж наоборот). А вот появилось...

Эта разработка вообще-то первоначально предназначалась Идальго для Ближнего Востока. Но пока он ей занимался, в организации-заказчике произошла «смена караула», старый его «контакт» покинул мир от пули то ли соратника не сошедшегося с покойным в вопросах тонкостей богословия то ли внедренного в подполье агента «Моссад» – а выходить на новых шефов «Меча Аль-Кодс» было слишком хлопотно и чревато провалом.

Тогда он попытался задействовать вариант с иракским сопротивлением – там воевала пара его учеников. (Тем более что его беспилотники так сказать «нового типа» отлично годились для ударов по объектам нефтедобычи.)

Но пока он осторожно протягивал ниточки в долину Тигра и Евфрата, на него вдруг вышли старые знакомые – и он приняв их предложение, решил что наилучшим местом боевого крещения этого нового слова в диверсионно-террористическом деле будет страна, где учился их создатель.

...Все прошло на удивление быстро и просто. Само-

лет-снаряд сорвался с направляющих, взмыл в небо, стрелой мелькнул над городскими крышами и ориентируясь на пятнышко лазера финишировал точно в окне нужной квартиры. Тело Кострова было расплыено в мелкие клочки и перемешано с рухнувшими бетонными конструкциями... Одновременно с ним погибли соседи – семья заместителя председателя Центробанка, собравшаяся на торжественный ужин по случаю окончания старшей дочерью экономического факультета Сорбонны, и домработница генерал-лейтенанта ФСИН так и не закончившая приборку апартаментов хозяина уехавшего в Черногорию на новогодние праздники...

Так сказать – приемлемые издержки операции... Предстоял еще и третий акт. Его должны были сыграть без Идальго и его людей – сами инициаторы. И вот он то пошел совсем не так как рассчитывали...

* * *

Менее чем за час до убийства президента и премьер-министра РФ.

В этот мглистый зимний вечер с разных концов предновогодней столицы, в сторону юго – востока двигались машины с особыми, много говорящими знающему человеку номерами. Шикарные лимузины, неброские внешне «шевроле-вип», претенциозные джипы...

Со стороны Кутузовского проспекта, минуя Третье транспортное, из роскошных субурбанов, от старых еще советских генеральских домов и даже – из Шереметьево-2.

Все они имели один и тот же конечный пункт маршрута – известный многим «Объект «Гамма».

Вообще то «Гамма» изначально проектировалась как универсальный командный пункт для высшего начальства. Сдан он был в эксплуатацию в год смерти Брежнева. Два с небольшим десятка тому назад тогда еще секретный объект КГБ СССР уже сыграл свою роль в истории страны. В августе 1991 года именно в этой резиденции на юго – востоке Москвы будущие члены ГКЧП обсуждали планы свержения Горбачева. ... И вот теперь, похоже, что на объекте «Гамма» предстояло решиться судьбе государства...

В 1992 году когда громили и дерибанили бывшее КГБ, его хотели даже приватизировать – но потом тогдашний глава ФСО и хранитель тела Ельцина с простецкой хлебобулочной фамилией решил забрать бункер себе. Ему импонировала мысль – получить защищенный от любых посягательств центр, откуда можно руководить государством. Время то было беспокойное, *штатучее*...

Вдруг понадобится безопасное и надежное укрытие, откуда правители смогут управлять ситуацией. Допустим если нельзя будет добраться быстро до резервных стратегических командных пунктов в отрогах Северного Урала (не на Ямантау пресловутом само собой – в других, не озвученных прес-

сой местах). Ну или потребуется оставить в Москве временный штаб. Или еще для какой надобности.

Президент, в кругах армейских нежно называемый Белый Хряк идею одобрил – в случае чего он получал лишнюю возможность спрятаться от разбушевавшихся толп – тогда этого еще боялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.